

Иван Оченков

ВЗГЛЯД ВАСИЛИСКА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Иван Оченков

Взгляд василиска

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Оченков И. В.

Взгляд василиска / И. В. Оченков — «АСТ», 2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-113139-5

Он великий князь. Молод, знатен и богат, но при этом прост в обращении и совершенно незаносчив. Его ценят друзья и ненавидят враги. Он от рождения одарен всем, о чем другие могут только мечтать, и лишь в любви ему упорно не везёт. Может быть, поэтому он без остатка отдал свое сердце бескрайнему морю, грозным военным кораблям и большим пушкам. Недаром его новое предназначение — сквозь трусость, измены и предательство провести русский флот к заслуженной славе и новым победам!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113139-5

© Оченков И. В., 2019
© АСТ, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

72

Иван Оченков

Взгляд василиска

Промозглый декабрьский ветер уныло гнал мусор вдоль перрона, когда из только что прибывшего поезда стали выходить пассажиры. Первой из классного вагона вышла дама, лицо которой скрывала свисавшая с не слишком изящной шляпки вуаль. Последняя, впрочем, не помешала худому господину в чиновничьей шинели узнать ее и, раскинув руки, с непритворной радостью шагнуть к долгожданной супруге.

– Капочка, родная, наконец-то! – восклицал он, заключая в объятия свою дражайшую половину.

Увы, встречавший жену чиновник оказался несколько неуклюж и, обнимая, ухитрился смахнуть с головы супруги шляпку. Налетевший в это мгновение ветер тут же подхватил добычу и непременно унес бы ее прочь, если бы шедший следом молодой человек в форме лейтенанта флота не подхватил ее, чтобы вернуть законной владелице. Дама, несколько обескураженная тем, что предстала перед молодым офицером в неприглядном виде и с растрепанной прической, с благодарностью приняла предмет своего туалета и попыталась тут же вернуть ее на место. Виновник происшествия принялся помогать ей, пытаясь загладить свою оплошность, но своими стараниями лишь больше ее усугублял. Наконец, непокорная шляпка была водружена на место, и супруги принялись благодарить молодого человека.

– Ну что вы, мадам, не стоит благодарности, – вежливо отвечал тот на поток красноречия.

– Позвольте представиться, – вспомнил о правилах хорошего тона ее супруг, – коллежский асессор, Егоров Ефим Иванович, а это моя супруга, Капитолина Сергеевна.

– Честь имею, – отвечал им молодой человек, – лейтенант Романов, Алексей Михайлович.

– Очень приятно-с, вы, верно, назначены на эскадру?

– Точно так.

– А я, изволите ли видеть, служу на здешней почте.

– Весьма рад знакомству, господа.

Дама, наконец, смогла привести себя в относительный порядок и, лучезарно улыбнувшись, проговорила:

– В Порт-Артуре довольно скучная жизнь, господин лейтенант, но если вы пожелаете, то можете нас навестить. По четвергам мы устраиваем нечто вроде вечера для друзей. Приходите, мы будем рады.

– Как-нибудь, непременно, – вежливо отвечал офицер и, приложив два пальца к козырьку, откланялся.

Вслед за ним из вагона вышли его спутники, и все вместе они направились в здание вокзала.

Следовавшие с лейтенантом люди заслуживают отдельного описания. Один из них – довольно крепкий еще старик в матросской форме, а второй – безукоризненно одетый молодой человек в богатом пальто и бобровой шапке. Как ни странно, именно этот господин был занят багажом офицера.

Супруги еще некоторое время смотрели на странную троицу, после чего чиновник обратился к жене:

– Право, Капочка, что за странная идея пригласить к нам офицера флота? Ты же знаешь этих снобов, они не слишком жалуют нашу чиновничью братию.

– Помолчи, Фима, ты таки ничего не понимаешь в жизни! – В голосе дамы неожиданно прорезался говорок, благодаря которому всякий побывавший на черноморском побережье

Российской империи сразу же узнал бы в милейшей Капитолине Сергеевне уроженку города Одессы. – Далеко не все офицеры флота графы, а нашей бедной Миле давно пора замуж!

– А отчего ты полагаешь, что этот молодой человек не граф? Ну да, у него не слишком графская фамилия, так что с того, у нашего царя такая же!

– Господи, Фима! Ты внимательно осмотрел этого молодого человека? Таки точно нет, потому что не заметил, что он совсем уж не такой молодой. Ему, наверное, уже серьезно за тридцать, и если он до сих пор лейтенант, то уж точно не граф! А наша Мила – славная девушка и могла бы составить неплохую партию.

– Что ты говоришь, Капочка, твоя сестра, с тех пор как окончила эти ужасные Бестужевские курсы, вовсе и не думает о замужестве! Она, видите ли, свободная женщина и хочет сама строить свою жизнь!

– Я тоже была свободная женщина, пока не вышла за тебя замуж! Потому прекрати болтать и зови скорее рикшу, а то я ужасно замерзла! И будь уверен, Фима, я тебе еще припомню эту шляпку!

Между тем молодой человек, не подозревая того, что стал целью матримониальных планов мадам Егоровой, двигался к своей цели. Она немного ошиблась, определяя его возраст, так как ему было всего двадцать восемь лет от роду. Впрочем, глядя на легкую седину на висках, ошибиться было немудрено. Но вот то, что его карьера не задалась, чиновница определила совершенно точно. Дело в том, что сразу после получения мичманского чина молодой человек серьезно заболел и довольно долго не мог служить. А еще он действительно не был графом. Алексей Михайлович Романов – так звучит имя нашего героя – был внуком покойного императора Николая Павловича и, соответственно, двоюродным дядей царствующего монарха, Николая Александровича. Следовательно, он носил титул великого князя Российской империи, который, впрочем, не любил афишировать. Младший сын бывшего наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича был воспитан в строгости и не слишком хорошо чувствовал себя в великолепных дворцах своих царственных родственников. Простудившись же во время практики на крейсере «Генерал-адмирал», он долго лечился в Италии и оттого совсем отвык от придворной жизни. После выздоровления молодой великий князь приложил все силы, чтобы попасть служить как можно дальше от Петербурга. Желание Алексея Михайловича было удовлетворено, и он получил назначение в Порт-Артурскую эскадру на броненосец «Полтава».

Теперь позвольте представить его спутников. Старый матрос, которого все звали Архипычем, шедший за ним следом, был личностью замечательной. Познакомились они с Алексеем Михайловичем почти десять лет назад, во время злополучного плавания на «Генерал-адмирале». Старослужащий матрос, помнивший еще чуть ли не Крузенштерна и имевший крест за бои на Малаховом кургане, давно бы должен стать боцманом, если бы не его дерзкий и неуживчивый характер. Упрямый старик, великолепно знавший парусную службу, очень мало кого считал авторитетом в этом вопросе и потому, не стесняясь, высказывал свое мнение, если считал это необходимым. Во времена Нахимова ходить бы ему исполосованному линьками, и георгиевское кавалерство не помогло бы¹, но нравы с тех пор, как ни крути, смягчились, и все ограничивалось дисциплинарными взысканиями. По-хорошему, Архипыча давно следовало отправить в отставку, но командир ценил его за знание службы, которое редко встретишь в нынешние времена, да и идти старому матросу было некуда. В родной деревне его вряд ли кто помнил, а иной семьи кроме корабельного экипажа у него не было. К тому же Архипыч был отчего-то весьма популярен среди кадетов, и был даже случай, когда офицер, посчитавший себя оскорбленным замечаниями нижнего чина и ударивший старика, был подвергнут ими обструкции и был вынужден подать прошение о переводе. Дело, возможно, в том, что Архи-

¹ Вообще, линь – это просто веревка, однако во времена парусного флота именно линьками и производились телесные наказания. Георгиевские кавалеры по закону от оных были освобождены, но... – *Здесь и далее примечания автора.*

пыч, помимо глубокого знания всех предметов такелажа, еще и непревзойденно умел ругаться. Сейчас искусство большого и малого боцманского загиба почти утрачено, а то, что нынешние моряки полагают таковым, лишь бледный отблеск былого великолепия. Правда это или нет, трудно сказать, но ходят слухи, что строевые квартирмейстеры и будущие офицеры считали своим долгом выучиться этому непростому искусству у Архипыча и даже держали неофициальный экзамен у старого матроса.

Надобно сказать, что, скромный до застенчивости, Алексей Михайлович никогда не был в числе учеников или почитателей таланта старого матерщинника, но по воле судьбы именно Архипычу довелось вовремя обнаружить, что молодой великий князь зашибся во время шторма и лежит никем не замеченный без всякой помощи. Подхватив его на руки, тот отнес юношу в лазарет, а потом несколько раз навещал спасенного. Не очень понятно, на чем они сошлись, но с тех пор не разлучались. Отец Алеши, великий князь Михаил Николаевич, умел быть благодарным. Плечи старика перед отставкой украсились унтерскими контриками, а грудь – медалью на Аннинской ленте. Узнав, что идти ему некуда, генерал-фельдмаршал сделал отставному матросу совершенно шикарное предложение. Архипыч поступил на службу в великокняжескую семью в качестве вестового юного великого князя. Весьма изрядное по его меркам жалованье, возможность до смерти носить приросшую к коже матросскую форму, да золотые часы с гравировкой, повествующей о совершенном им подвиге, стали последней каплей, склонившей Архипыча к новой для него службе.

Другой спутник Алексея Михайловича, несмотря на безукоризненный костюм и прическу, был просто камер-лакеем и звался Прохором Сапожниковым. Человек не слишком опытный, вроде мадам Егоровой, вполне мог обмануться его представительным видом и принять за солидного господина, но людям, бывавшим в свете, сразу бросались в глаза слишком приглаженный вид, слишком подобоострастное и услужливое выражение лица, так что можно сказать, что род занятий Прохора был написан на нем крупными буквами.

Он единственный из всех трех был недоволен закончившимся путешествием, справедливо полагая, что по комфортабельности жизни Ляодунский полуостров никак не может сравниться с Апеннинским. До последнего времени его как-то примирял с окружающей действительностью шикарный вагон-салон, в котором они путешествовали, а обязанности почтенного камер-лакея сводились к руководству штатом слуг. Увы, в Мукдене с вагоном-салонem случилась какая-то неисправность. Молодой великий князь, вне всякого сомнения подзуживаемый несносным Архипычем, недолго думая, занял первое попавшееся классное купе и двинулся дальше. Несчастному Прохору ничего не оставалось, как, подхватив самое необходимое, последовать за своим господином.

Вот и сейчас Алексей Михайлович был готов немедленно отправляться на броненосец, с тем чтобы поскорее окунуться в любезную его сердцу морскую службу. Останавливала его лишь необходимость нанести визит наместнику, но после этой формальности великий князь определенно не стал бы ждать и минуты.

– Алексей Михайлович, – взмолился камер-лакей, – помилосердствуйте! Разве можно в штаб наместника в таком виде? Дайте хоть в порядок вашу форму привести. Нельзя же, в самом деле, в дорожном на люди!

– Проща дело говорит, – против обыкновения, поддержал лакея Архипыч, – пожалуйста в гостиницу. Офицер флота завсегда должен сиять как медный пятак!

– Ну, ладно, – сдался великий князь, признав слова своих спутников основательными, – давайте в гостиницу. Где тут извозчики?

– Вы что, в Петербурге? – хмыкнул в ответ старый матрос. – На Востоке извозчиков не держат, больно овес дорог. Вон, рикши толкутся, пойдемте к ним.

– Ехать на человеке, да еще в такой холод? – удивился молодой человек. – Нет, брат рассказывал мне о подобных обычаях, но...

– А о том, что ежели вы пешком пойдете, то рикше вечером жрать будет нечего, вам Александр Михайлович не рассказывал? – грубовато спросил Архипыч.

Последний довод убедил лейтенанта, и вскоре они на двух рикшах следовали в ближайшую гостиницу. Первый, с позволения сказать, экипаж занял сам великий князь, а во втором тряслись Прохор с Архипычем. Багаж был поделен между обоими, и заказывать третий не пришлось.

– Больно добрый наш Алеша, – проговорил Прохор, глядя в спину рикше, с натугой прущему коляску, – нашел людей! По мне, так оне сущие облизьяны!

– Кому Алеша, а кому его императорское высочество Алексей Михайлович! – строгим голосом поправил лакея Архипыч. – Знай свое место, сопля береговая, а то враз рыло начищу!

– Чего ты взъелся, Архипыч, – искренне удивился Прохор, – ты же его сам так, бывало, называл?

– Я флотский, а потому знаю, как и кого можно называть, а ты, штафирка, о службе понятия не имеешь, так что молчи, когда с тобой разговаривают!

– Я потомственный дворцовый слуга! – возразил ему Сапожников. – Так что еще разобратся надо, кто из нас больше в службе понимает.

Надо сказать, что подобные перебранки не были редкостью между старым матросом и молодым лакеем. Оба считали именно себя главными среди слуг и с ревностью следили друг за другом. Впрочем, дальше перебранок дело никогда не заходило, и по большому счету они, несмотря на разницу в возрасте, были друзьями.

По странному стечению обстоятельств, в это же самое время в командирском салоне броненосца «Полтава» тоже говорили о скором прибытии великого князя. Разговор происходил между его командиром капитаном первого ранга Успенским и старшим офицером капитаном второго ранга Лутониным.

– Должен сообщить вам пренеприятное известие, Сергей Иванович, – начал разговор командир, предложив Лутонину сесть.

– К нам едет ревизор? – немного иронически отозвался тот.

– Гораздо хуже, у нас будет служить великий князь!

– Вот как, а кто именно? Неужели Кирилл Владимирович чего-то натворил?

– Нет, не он.

– Хм... Александр Михайлович?

– Уже ближе, его брат.

– Алексей Михайлович, но он же не слишком здоров...

– А вы действительно недурной артиллерист, Сергей Иванович, – улыбнулся Успенский, – с третьего залпа накрыли! Да, действительно, Алексей Михайлович. Очевидно, поправился и едет выслуживать ценз.

– Странно, если под шпием² так обеспокоены его здоровьем, могли бы найти ему службу где потеплее. Хоть в Севастополе, что ли.

– Ничего не могу сказать на этот счет. Слышал лишь, что лейтенант Романов старается держаться подальше от двора и высшего света. А Севастополь, как ни крути, от Ливадии не далеко-с!

– Ну, что поделаешь, Иван Петрович, мы люди подневольные, как начальство скажет, так и будет. Какую вакансию займет на нашем богоспасаемом броненосце член императорской фамилии?

– Вахтенного офицера.

– В лейтенантском чине? Однако!

² Намек на шпиц на здании петербургского Адмиралтейства.

– Что поделаешь, Сергей Иванович, сами понимаете, что опыту у молодого человека взяться неоткуда. Его, чтобы хоть в лейтенанты произвести, то к одной канонерке приписывали, то к другой. Так что вахтенным начальником никак нельзя-с.

– Нельзя так нельзя. Кстати, а когда прибывает наш новый офицер?

– Завтра или послезавтра, какая-то канитель с его вагоном приключилась под Мукденом. Железнодорожники обещали сообщить. Голубчик, не забудьте распорядиться послать почетный караул для встречи. Все-таки августейший дядя императора!

– Надо бы оркестр...

– Пожалуй, но где его взять? Разве Вирена попросить, у него на «Баяне» есть. А у нас только балалаечники-с!

– И слава богу, Иван Петрович, случись что, я первый распоряжусь весь этот горючий хлам за борт выкинуть, а будь у нас целый оркестр, было бы жалко.

– Полагаете, будет война?

– Разумеется, причем это очевидно всем, даже нашему начальству, которое как тот мужик, который без грома не крестится. Если бы Старк не ждал войны, я бы давно князю Кекуатову место уступил.

– Это да, но лучше бы без нее.

– Как говорят наши матросики, спаси и сохрани царица небесная. Однако нас с вами не спросят, начинать или нет. А вот если комендоры наши оплошают, то спросят непременно.

– Ну, нашими общими усилиями, Сергей Иванович, «Полтава» и так из первых в этой науке.

– Это когда было, дорогой мой Иван Петрович! Надо, очень надо комендоров учить, да и господ офицеров не мешает.

– Кстати, хорошо, что вы напомнили, мне тут по секрету сообщили, что Алексей Михайлович изволят питать слабость к артиллерии и даже какие-то новаторские способы стрельбы изобрели-с! Неизвестно, правда, каким образом, поскольку пушки он нечасто видел, но вот поди же ты. Так что будьте готовы.

– Хм, хотя учитывая, что его батюшка генерал-фельдцейхмейстером³ был, ничего удивительного. Может, просто способный молодой человек?

– Может быть, может быть. Кстати, не совсем уж и молодой, его братец в таком возрасте уже капитаном второго ранга был, да и если бы проекты о переустройстве морского ведомства писать не начал, так и выше бы поднялся. Я это к чему, будьте осторожнее, а то мало ли. Может, наш Алеша тоже прожектор?

– Как вы сказали – Алеша?

– Ну да, слышал, его так все за глаза называют.

– Ну, Алеша так Алеша. Честь имею.

– Ступайте, голубчик.

Приготовившиеся встречать молодого великого князя господа офицеры и не подозревали, что он к ним куда ближе, чем они думали. Наскоро приведя себя в порядок, Алеша (мы тоже станем так его называть) уже побывал в штабе и уверенно шел к пристани. За ним столь же уверенно шел несгибаемый Архипыч и семенил с чемоданом Прохор. У пристани, как всегда, были причалены несколько шлюпок, баркасов и катеров с разных кораблей. Обычно узнать, где чье плавсредство, не составляло ни малейшего труда, поскольку у каждого матроса название корабля написано на ленте его бескозырки. Однако на этот раз матросы, очевидно, от холода попрятались, и лейтенант остановился в нерешительности. Впрочем, его появление не осталось незамеченным, и вскоре из одного из паровых катеров, как черт из табакерки, выскочил разбитной матрос с надписью «Новик» на головном уборе.

³ Генерал-фельдцейхмейстер – начальник всей артиллерии Российской империи.

– Здравия желаю, вашбродь!⁴ – гаркнул он. – Куды изволите?

– На «Полтаву», братец.

– Эх, вашбродь, – вздохнул с деланным сожалением матрос, – только что шестерка полтавская ушла.

– Досадно, – нахмурился Алеша. – Что же делать...

– А вот наш командир идут, их высокородие господин фон Эссен. Справьтесь, может, подвезут.

Действительно, к ним быстрыми шагами приближался офицер, сразу заметивший, что матросы со шлюпок где-то пропадают. Откозыряв в ответ на приветствие незнакомого лейтенанта, он с прищуром посмотрел на своего матроса. Как оказалось, матросы с прочих шлюпок и баркасов нашли убежище от мороза в новиковском катере и теперь бегом его покидали.

– Что за кабак? – почти весело спросил он у них.

– Так что, погреться заходили, вашескобродие, – хором отвечали они ему.

– Сейчас вы у меня согреетесь, сукины дети, – посулил он им, впрочем, без злобы.

– Рады стараться! – гаркнули моряки, занимая места в своих шлюпках.

– Вам куда, лейтенант? – обратил он внимание на стоящего рядом Алешу.

– На «Полтаву», господин капитан второго ранга, – с надеждой в голосе отозвался тот.

– Присоединяйтесь, нам по пути, – радушно пригласил его командир Новика и тут же представился: – Эссен, Николай Оттович.

– Романов, Алексей Михайлович, – ответил ему Алеша, радуясь про себя, что Эссен опустил приставку «фон» и избавил его таким образом от необходимости называть титул.

Великий князь тут же воспользовался приглашением и занял место в шлюпке, а вот Архипыч на секунду задержался.

– Ты куда прешься, сопля худая, – заявил он Прохору вполголоса, отбирая у него чемодан, – твое место рази на корабле? Ступай да сними Алексею Михайловичу приличную квартиру, а то не дело ему в гостинице жить. Смотри, тля береговая, проверю!

Оставив обалдевшего от подобной бесцеремонности камер-лакея на берегу, старик проворно прыгнул в катер. Матрос-кочегар подкинул в топку угольку, открыл клапан, и катер, забухтев, заскользил к стоящим на якоре кораблям.

– Только что назначены? – поинтересовался у Алеши фон Эссен.

– Так точно.

– Поздравляю, на «Полтаве» отличный экипаж.

– Благодарю, – коротко отозвался великий князь, жадно наблюдая за громадинами русских броненосцев.

Море и флот Алеша любил страстно. Вынужденная из-за болезни десятилетняя разлука была для него пыткой. Оставаясь поневоле праздным, он с упоением читал все, что мог достать о кораблях и дальних плаваниях. Живо интересуясь всеми новинками, которые во множестве появлялись во флотах иностранных государств, он пытался сообщать их в морское ведомство, но заинтересовал ими только своего любимого брата Александра Михайловича, или как его звали в семье – Сандро. Живя в Италии, он свел знакомство со многими тамошними моряками и кораблестроителями и иной раз бывал на новейших итальянских кораблях и даже как-то присутствовал на маневрах. И вот теперь его мечта сбылась. Он будет служить в русском флоте и сможет отдать ему все накопленные в разлуке знания, весь жар своей не огрубевшей еще души.

Очевидно, командир «Новика» заметил состояние лейтенанта и не донимал его разговорами, и лишь когда утлая шлюпка подошла к громадине броненосца, с улыбкой пожал ему руку и пожелал счастливой службы.

⁴ «Ваше благородие» – обращение нижнего чина к обер-офицеру. «Ваше высокоблагородие» – обращение к штаб-офицеру.

– Благодарю, – отозвался Алеша и двинулся по трапу, отдавая честь флагу.

Вахтенный начальник, лейтенант Баранов, поздоровавшись прежде с Эссеном, поинтересовался причиной прибытия его попутчика. Узнав о цели визита, он с искренней приязнью поприветствовал нового сослуживца и вызвался лично проводить его к командиру. Пока они отсутствовали, оставшегося на палубе Архипыча с любопытством обступили матросы.

– Здорово, старинушка, – поприветствовали они старика, – ты откуда такой красивый взялся?

– Из тех ворот, что и весь народ, – не раздумывая, ответил им он.

– Ишь ты, а зачем пожаловал?

– Да сказывают, что вы тут службы совсем не знаете, желторотые! Вот меня и прислали поучить.

– А чего ты с господским чемоданом? Небось, в вестовых служишь, старый хрыч, а туда же, службе учить!

– Ну-ка разойдись, чего столпились, бездельники, – грозно рявкнул незаметно подошедший боцман. – Вот я вас!

– Чего орешь, Парамошка? – неожиданно осадил его Архипыч. – Али большим начальством себя почуял?

Собиравшиеся было разбежаться матросы так и присели от неожиданности. Кондуктор⁵ Парамон Болдырев был грозой всех нижних чинов на броненосце, и потому никто не ожидал, что старый унтер, хоть и георгиевский кавалер, может так к нему обратиться.

– Архипыч, – удивленно протянул, хоть и не сразу, но признавший его боцман, – живой еще, старый черт?

– Не дождёшься, – авторитетно заявил ему в ответ старый матрос, – я ишо на твоих похоронах простыну!

– Какими судьбами к нам?

– Да вот, служить к вам прислали, с Алексеем Михайловичем...

– Ты что же это, пенек трухлявый, на старости лет в вестовые угодил?

Лучше бы боцман этих слов не говорил! Архипыч и впрямь не слишком гордился своим нынешним положением, а уж подначка от Парамона, которого он помнил еще зеленым новичком, мгновенно взбесила старого матерщинника. Большой загиб обрушился на голову кондуктора мощно и неотвратимо, как внезапный шквал обрушивается на потерявших бдительность моряков. У ставших свидетелями этого матросов только что глаза не повылазили от неожиданности, но еще более странной показалась им реакция грозного боцмана. Захохотав во весь голос, он шагнул вперед и сжал Архипыча в объятиях.

– Ну, вот теперь узнаю старого морского волка, а то стоишь скромный как институтка!

Алеша, как обычно, из скромности не назвал своего титула, так что кого именно он провожает, Баранов узнал только в командирском салоне. Успенский, хотя и удивился внезапному появлению великого князя, сумел остаться невозмутимым.

– Рад видеть ваше императорское высочество среди офицеров нашего броненосца, – поприветствовал он великого князя и тут же обратился к совершенно обалдевшему вахтенному начальнику: – Благодарю вас, Дмитрий Николаевич, у вас, верно, еще дела есть?

– Так точно, господин капитан первого ранга, – отковырял тот и вышел в полном смятении чувств.

– Я тоже весьма рад, – отвечал Успенскому Алеша, – мне рассказывали о вашем экипаже много лестного, э...

⁵ Кондуктор – чин в РИФ, занимавший промежуточное положение между нижними чинами и офицерами. Примерно соответствует современным мичманам и прапорщикам.

– Иван Петрович, – пришел ему на помощь командир. – Интересно, от кого, вы ведь только прибыли.

– От Эссена, он любезно согласился меня подбросить.

– А, Николай Оттович! Действительно лестно. Он зря хвалить не станет! Как добрались? Мы вас, некоторым образом, только через два дня ждали.

– Благодарю, очень хорошо. Я, чтобы избежать задержки, пересел на пассажирский поезд, оставив свой салон- вагон после поломки. Ужасно скучно было ожидать, пока его починят. К тому же каждый раз, когда случалась задержка в дороге, меня начинали одолевать всякого рода просители и верноподданные депутации. Так что я рассудил за благо сбежать. Надеюсь, вы не в претензии?

– Ну что вы, напротив, я очень рад, хотя мы готовили торжественную встречу...

– Умоляю, не надо торжеств!

– Воля ваша, Алексей Михайлович, еще раз позвольте поздравить вас с благополучным прибытием. А вот и наш старший офицер! Заходите, Сергей Иванович, познакомьтесь с новым сослуживцем.

Некоторое время спустя, когда Лутонин вместе с великим князем вышли, Успенский задумчиво пробормотал: «Интересно, какие еще сюрпризы будут от вашего императорского высочества?»

* * *

Оставшись на пристани один, Прохор Сапожников некоторое время смотрел вслед уезжающему их катеру, а потом, решив, что баба с возу – кобыле легче, отправился в гостиницу, благо номера были сняты на неделю. Вернувшись и внимательно осмотрев апартаменты, камерлакей пришел к выводу, что старый матрос опять оказался прав. «Это вам не “Отель-Палас” в Неаполе, надо чего-нибудь получше подыскать», – подумал Прохор со вздохом, отковырнув пальцем отошедший от стены кусок обоев. После чего позвонил в колокольчик и велел принести себе обед. Поскольку стеснительность не была в числе его добродетелей, заказал он все самое лучшее, что только могло найтись в ресторане при гостинице с гордым названием «Париж». Надо сказать, что выбор не поражал, но съев все принесенное, Сапожников пришел в хорошее расположение духа. Улегшись, не снимая сапог, на господскую кровать с папиросой в одной руке и бокалом ликера в другой, предался он размышлениям на тему «А нет ли здесь сеньориток», и некоторое время спустя сам не заметил, как заснул.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Прохор был совсем уж пустым человеком. На следующее же утро наш бравый лакей припомнил свои обязанности и, приведя себя в порядок, отправился искать подходящую квартиру. К своему несчастью, он вздумал спросить совета у китайца-портье. Тот вроде бы сносно говорил по-русски и, непрестанно кланяясь и жестикулируя, принялся объяснять господину «капитану»⁶ дорогу, а затем, написав на клочке бумаги несколько иероглифов, кликнул рикшу. Тот, усадив Сапожникова в свой экипаж, схватился за дышла и довольно быстро отвез его к какому-то дому в Старом городе. Говоря о Старом и Новом городе, надобно пояснить следующее. Когда русские войска заняли Порт-Артур, новые хозяева построили для себя город в европейском стиле. Ровные просторные улицы и большие красивые дома в стиле эклектика и классицизм придавали ему весьма презентабельный вид. В нем располагались присутственные места, школа, офицерский клуб и доходные дома. Это все и называлось «Новый город», а то, что было Порт-Артуром до того, получило, соответственно, название «Старый город». В этом квартале жили в основном китайцы, и застроен он был фан-

⁶ Почему-то именно так китайцы называли в те времена русских.

зами и пагодами. Кривые и запутанные улочки его были грязны и не ухожены. Так что, увидев, куда его привезли, камер-лакей поначалу пришел в ужас.

– Ты куда меня привез, обезьяна косорылая, – возмутился он, – ну-ка разворачивай оглобли, а не то...

Что будет, если не то, Прохор сказать не успел. Из дома с загнутыми вверх углами черепичной крыши, вышел китаец и стал, кланяясь, приглашать господина «капитана» зайти.

Какой лакей не любит, чтобы ему кланялись? Сапожников не был исключением и, придав лицу значительное выражение, решительно шагнул вперед. В неожиданно просторной зале было довольно светло от многочисленных фонариков и пахло восточными благовониями с отчетливым лакричным⁷ привкусом. Прохора, как дорогого гостя, окружили миниатюрные служанки, усадили на большой и мягкий диван и принесли в крохотных чашечках чаю. Затем более грузная китаянка с густо накрашенным лицом вышла вперед и спросила, какая из девушек понравилась господину «капитану».

– Да я не затем, – с досадой протянул камер-лакей, сообразивший, что попал не туда, – мне бы...

– Мальчика? – с готовностью спросила толстая китаянка.

– Ты что же это, курва, меня за содомита приняла? – вскипел оскорбленный в лучших чувствах Сапожников. – Ужо я тебя сейчас...

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы в комнату стремительно не зашел молодой человек, одетый по-европейски, и не остановил готовый разразиться скандал.

– Что вам угодно, господин? – спросил он на хорошем русском языке. – Почему вы сердитесь? С вами обошлись непочтительно?

– Да в гробу я видел такую почтительность, – продолжал бушевать Прохор, – чтобы меня эдак...

– А в чем, собственно, дело?

Приглядевшись к молодому человеку, Сапожников сбавил тон. Тот был прилично одет, глаза его хотя и имели некую раскосость, но ничуть не большую, чем у некоторых жителей Поволжья. Но главное, у него не было, подобно китайцам, бритого лба и косы.

– Да не поняли меня эти черти косоглазые, – посетовал камер-лакей, – я хотел квартиру снять, ну и спросил у портье в гостинице, а тот меня в бордель отправил. Нет, ну каково?

– Позвольте спросить, а в каких выражениях вы просили у старого Ляо совета?

– Ну, как же, спросил где найти местечко потише да поприличнее, чтобы важному господину удобно было...

Услышав бесхитростный рассказ Прохора, незнакомец не удержался, чтобы не рассмеяться в голос.

– Господи, да что же вы хотели, чтобы он вам показал, после такого-то? Для него ведь русский не родной!

– Да понял я уже, – пригорюнился тот, – только делать-то теперь чего?

– А можно узнать, что за важный господин?

– Нельзя, – буркнул в ответ Прохор, – но очень важный! Скажу только, что раньше тут таких и не было.

– А надолго?

– Надолго, господин этот сюда служить приехали.

– Он один?

– Да как же это один? Одних слуг пять человек!

– Нет, я интересовался, женат ли он?

– Нет, наш Алексей Михайлович холосты еще.

⁷ Запах лакрицы издает курительный опиум.

– Вы знаете, уважаемый...

– Прохор Никодимыч мы.

– Очень приятно, любезнейший Прохор Никодимыч. А меня можете называть просто Генри. Так вот, я, кажется, могу быть вам полезен. Я, изволите ли видеть, коммерсант и должен на некоторое время отъехать по делам. Отсутствовать могу долго, а дом без присмотра оставлять не хочется. Так, может, мы сможем быть полезны друг другу?

– Вы англичанин?

– Наполовину. Так что?

– А дом приличный?

– Более чем! Этаж, правда, всего один, но есть небольшой садик и все удобства.

– Посмотреть бы...

– Нет ничего проще, дорогой Прохор Никодимыч. Давайте пройдем, тут недалеко.

Дом господина Генри действительно был не очень далеко. Не слишком приглядный снаружи, он оказался очень уютным и ухоженным внутри. При нём действительно был маленький садик с фонтанчиком посреди. Впрочем, по зимнему времени фонтанчик бездействовал. Господин Генри предложил Сапожникову чаю, и когда тот согласился, его подала миниатюрная китаянка с совершенно кукольным личиком.

– Это еще кто такая? – насторожился Прохор.

– Служанка, – несколько смутился тот, – видите ли, она сирота. Я бы взял ее с собой, да куда? А одну оставлять, сами понимаете, всякий обидеть сможет. А вы, как вижу, люди солидные.

– Поди, по-нашему ни бельмеса?

– Увы, но немного понимает английский, правда совсем не говорит.

– Это ничего, наш Алексей Михайлович по-английски что твой лорд шпарит. А много ли за аренду хотите?

– Да какое там, тут бы дом под присмотром был – и слава богу. Ну, только если самую малость, для порядка.

– Тогда сговоримся!

* * *

Может быть, в первый раз за последние десять лет Алеша был счастлив. Все, о чем он мечтал в своей жизни, осуществилось. Он стал настоящим морским офицером и служил на настоящем броненосце. Пусть это был не новейший «Цесаревич» или «Ретвизан», но все же довольно мощный и современный. Кают-компания тепло приняла его, да и матросы быстро раскусили, что молодой член императорской фамилии – человек вовсе не злой и зря не обидит. Тут, конечно, больше была заслуга Архипыча, ставшего непререкаемым авторитетом среди нижних чинов и часто рассказывавшего, что Алексей Михалыч человек правильный, даром что великий князь. Господа офицеры же оценили его скромность и деликатность, а также хорошее знание морского дела, увидеть которое в члене императорской фамилии никто не ожидал. Особенно близко Алеша сошелся с лейтенантом Барановым. Припомнив хорошенько сдачу экзаменов и производство в офицеры, случившееся у них одновременно, они обнаружили, что были представлены друг другу прежде, и возобновили знакомство.

В штат броненосца лейтенанта зачислили в качестве вахтенного офицера. Место его по боевому расписанию было в батарее шестидюймовых орудий. Впрочем, молодой офицер не ограничивался по службе своим заведованием и в ближайшую неделю облазил весь корабль от боевого марса до котельного и машинного отделений. В последних он обнаружил недурное знание устройства паровых машин, так что старший судовой механик Меньшов в шутку пред-

ложил ему поменять специальность. В кают-компании это предложение вызвало смешки, но великий князь и не подумал обижаться.

– Благодарю вас, Петр Яковлевич, но пушки не брошу.

– А вот это правильно, Алексей Михайлович, – поддержал его Лутонин, – как говаривал незабвенный Федор Федорович, «корабли для пушек!»

– Господа, может, хватит о пушках, – усмехнулся младший штурман мичман Де-Ливрон 5-й. – Что слышно в городе?

– Не могу ничего сказать, любезнейший Борис Рудольфович, спросите лучше у Ломана.

Только что вернувшийся с минных складов мичман Ломан отставил в сторону стакан с чаем и пожал плечами.

– Ничего особенного, разве что все японские подданные сидят на чемоданах, готовые при первом сигнале своего консула покинуть наш богом спасаемый Порт-Артур.

– Похоже, они готовятся к войне.

– Ну и пусть, что господь ни делает, все к лучшему! А то стоим на рейде, как привязанные, непонятно зачем. И не в кампании, и не в резерве. Вроде и не в море, и на берег не отпускают. Девочки наши скоро про нас забудут и уйдут к армейским.

– Вам бы все девочки, Константин Владимирович, – прервал его Лутонин, – а между тем дело серьезное.

– Да я не против, Сергей Иванович, просто хочется какой-то определенности. Кстати, никогда не угадаете, кого я встретил на пристани.

– Э... Матильду Кшесинскую с кордебалетом?

– Тьфу на вас, господа! Но в некотором роде не хуже.

– Не томите.

– Это будет особенно вам интересно, Алексей Михайлович.

– Слушаю вас.

– Некто, назвавшийся Прохором Сапожниковым, узнав, что мы с «Полтавы», слезно просил матросов передать вашему императорскому высочеству, что снял для вас дом в Старом городе и нижайше просит посетить его, с тем дабы ознакомиться. Каково?

– Любопытно-любопытно, а кто сей Прохор?

– Мой камер-лакей, – вздохнул Алеша, – действительно, он должен был найти квартиру или дом для меня, но я совсем запамятовал.

– Если вам, Алексей Михайлович, необходимо устроить личные дела, – проговорил Лутонин, – то только скажите.

– Пустое, Сергей Иванович, успеется еще. Хотя, если возможно, дайте увольнительную моему Архипычу, он все устроит.

– А я бы на вашем месте не отказывался, – не унимался Ломан, – тем более что расположена ваша резиденция в определенном смысле весьма удачно!

– О чем вы?

– Ну, судя по описанию, ваш верный Прохор снял вам дом небезызвестного господина Генри Вонга.

– Позвольте, – расхохотались присутствующие, – да это же рядом с заведением мамы Фуань!

– Простите, не понял, – растерянно переспросил Алеша, – а что за заведение у этой мамы?

Эти слова были встречены еще большим ликованием. Наконец, Ломан сжалился и шепнул на ухо великому князю, что это заведение не что иное, как «веселый дом». Алексей Михайлович сначала побледнел, потом покраснел, но так ничего и не сказал.

– Так что, отправитесь на берег? – еще раз спросил Лутонин, пряча улыбку.

– Нет, теперь уж точно Архипыч! – решительно заявил Алеша, вызвав очередной взрыв хохота.

* * *

Впрочем, как ни старался наш герой держаться подальше от берега, избежать его совсем ему не удалось. Буквально на следующий день «Полтаву» посетил сам наместник адмирал Алексеев. Порядок на броненосце был образцовым, выстроенная во фронт команда бодро рывкнула здравницу своему командующему, после чего их превосходительство пришли в хорошее расположение духа и захотели пошутить.

– Говорят, у вас тут офицер новый служит? – с барственной улыбкой спросил он у Успенского.

– Так точно, ваше высокопревосходительство, – отозвался тот, прекрасно поняв, о ком речь.

– И что, хорошо служит?

– Превосходно, лучшего и желать нельзя!

– Вот как, а...

– Прикажете позвать?

– Прикажу.

Через минуту Алеша, продемонстрировав безукоризненное владение фрунтом, представлялся главнокомандующему всеми силами империи на ее дальневосточных рубежах. Евгений Александрович оценил выправку молодого офицера и с легкой усмешкой проговорил:

– Так вот вы каковы, ваше императорское высочество, господин лейтенант, я думал, вы просто якобинец какой-то, избегающий начальства, а командир вас хвалит.

– Право, ваше высокопревосходительство, я вовсе не хотел...

– Не извиняйтесь, молодой человек, вы не виноваты в этом прискорбном стечении обстоятельств. Я полагал встретить вас в Мукдене, но вы так скоро его покинули, что мы разминулись. Бывает, что поделаешь. Однако послезавтра Рождество, и вам, как члену правящего дома, просто необходимо участвовать в некоторых церемониях. Сами понимаете, положение обязывает!

– Но я только вступил в должность. Офицеров сейчас не увольняют на берег...

– Пустяки, – пресек последнюю попытку отбояриться Алексеев, – ваш командир столь блестяще отрекомендовал вас, что повода отказать вам в увольнении на берег у него уже нет. Кроме того, в ближайшее время эскадра войдет на внутренний рейд. Поймите меня правильно, любезный Алексей Михайлович, в Порт-Артуре не слишком часто бывают члены царствующего дома. А тут праздник, молебен, бал, наконец! Бог с ним, с молебном, но как я могу отказать дамам? Нет, вы решительно необходимы мне на берегу.

Слушая наместника, Алеша тяжело вздохнул. Отказаться от участия в светских мероприятиях не было никакой возможности. Тот, правильно истолковав его мысли, продолжил с улыбкой:

– Это ненадолго, совсем скоро вы сможете вернуться к любезной вашему сердцу корабельной службе. Ну, или уединиться в своем новом доме. Я слышал, вы сняли прекрасный дом?

Слушать о доме, снятом для него мерзавцем Прохором, было выше сил великого князя, но пришлось терпеть. Наконец, наместник со свитой покинул броненосец, и можно было вздохнуть спокойно. Алеша собирался было пройти в каюту, с тем чтобы переодеться к обеду, но его остановил Лутонин.

– Вот что, Алексей Михайлович, – обратился к лейтенанту старший офицер, – отправляйтесь-ка, голубчик, на берег. Мы, в «ковш»⁸ разве завтра в большую воду попадем, а вам надобно личные дела в порядок привести. Ну, и в штаб наместника кое-какие бумаги завезете заодно.

– Слушаюсь, – только и оставалось ответить молодому человеку.

Вскоре пыхтящий и бухающий катер доставил Алешу вместе с верным Архипычем на берег. Как оказалось, на сей раз великого князя встречают с изрядной помпой. На пристани его ожидала немалая толпа народа во главе с высоким артиллерийским подполковником в маньчжурской папaxe.

– Верноподданный Порт-Артур, – начал он взволнованным голосом, – рад приветствовать в вашем лице...

Сразу было видно, что говорить речи подполковник не мастак. Постоянно сбиваясь и путаясь, он начинал сначала, снова сбивался и снова начинал. Наконец великий князь не выдержал и, приняв у стоящего рядом чиновника хлеб и соль, тут же сунул его Архипычу.

– Тронут, – решительно заявил он встречающим, – весьма тронут! Непременно напишу государю.

Последние слова возымели волшебное действие. Встречающие разразились радостными криками, а артиллерист и вовсе потерял дар речи. Считая официальную часть законченной, Алеша попытался двинуться дальше, но не тут-то было. Толпа и не думала расступаться, но, по счастью, к подполковнику вернулся дар речи и способность соображать, и он предложил великому князю и его спутнику свой экипаж. Уже заняв места, он, наконец, представился:

– Здешний градоначальник, подполковник Вершинин.

– Очень приятно, – улыбнулся Алеша, – Алексей Михайлович. А вы?..

– Александр Иванович. Весьма рад, весьма!

– Если можно мне к...

– К дому? Да со всем нашим удовольствием! Трогай!

Солдат, игравший роль кучера, свистнул кнутом, и лошадка бодро зацокала копытами по булыжнику. Как оказалось, все прекрасно знали, где несносный Прохор снял резиденцию для его высочества, и вскоре коляска остановилась около нее.

– А дом вам, ваше императорское высочество, вам сняли очень хороший! – неожиданно заявил Вершинин на прощание.

– Вот как, – искренне удивился великий князь, – а мне сказали, что...

– Бордель рядом? Большое дело! Это же Восток, тут во всяком дворе не бордель, так опиокурильня. Нет, если прикажете, так я мигом прикрою...

– Не стоит беспокоиться, я вряд ли здесь надолго задержусь.

– Ну и напрасно, дом весьма хорош, хотя воля ваша!

Пока Алеша прощался с градоначальником, Архипыч подошел к двери и стал решительно в нее тарабанить. Дверь вскоре открылась, и из-за нее показался идеальный пробор на голове Прохора. Недолго думая, старый матрос схватил камер-лакея за ухо и втолкнул внутрь.

– Ты что же это творишь, сукин кот! Ты бы Алексей Михалычу еще сам бордель снял! Да я тебя пришибу сейчас, тля худая...

– Ай-ай-ай, – заверещал не ожидавший такой подлости Прошка, – Архипыч, ты что, ополоумел? Пусти, больно!

– Пусти его, – приказал вошедший следом Алеша, – ну полно, станет с него! Хотя ты, Прохор, прямо скажу, меня удивил.

⁸ Поскольку внутренний рейд Порт-Артура был весьма мелок, его постоянно углубляли и расширяли, одна из таких искусственных гаваней получила название «ковш».

– Да вы что, – возмутился камер-лакей, – да грех вам такое говорить! Дом хороший, а деньги за него и вовсе смешные.

– Проща, ты совсем дурак? – вскипел старый матрос. – Нашел на чем выгадать! Хочешь деньги господские сберечь – жри меньше!

Впрочем, делать пока было нечего, и Алеша двинулся внутрь дома. К удивлению великого князя, дом оказался со вкусом убран, удачно совмещая в себе восточную экзотику и западную практичность. Присев в удобное кресло и вытянув ноги, он подумал, что Прохор, возможно, не такой уж и мерзавец. И тут в комнате появилось новое действующее лицо. Миниатюрная китаянка с очень красивым, хоть и почти детским личиком, одетая в шелковую одежду, глядя на которую Алеша решил, что это кимоно, осторожно вошла, держа перед собой поднос с маленьким чайником и совсем уж крохотной чашечкой. Ни слова не говоря, она установила поднос на маленький столик и, подхватив чайник, каким-то совершенно невероятным способом пустила из носика струю в чашечку, не пролив при этом ни капли. Выполнив этот акробатический трюк, девушка подала чай Алеше и застыла в глубоком поклоне.

– Кто это? – потрясенно спросил лейтенант, глядя поверх черепаховых гребней, украшавших высокую и сложную прическу китаянки.

– Сиротка, – охотно пояснил Прохор, – служанка прежнего хозяина. Зовут, кажись, Кейко, или как-то так. Жалко будет, если переехать прикажете. Пропадет девка одна.

Услышав его речь, девушка тоже что-то сказала Алеше на непонятном языке, звонким, как колокольчик, голосом.

– Что она сказала?

– А я знаю? – удивился лакей. – Всем хороша девка, только по-нашему ни бельмеса. Прежний хозяин сказывал, что по-аглицки понимает, хоть и не говорит.

– Ты понимаешь меня? – обратился к служанке по-английски Алеша.

Та закивала ему с таким радостным лицом, будто встретила самого дорогого человека.

– Тебя зовут Кейко?

Снова последовали радостные кивки.

– А говорить можешь?

Лицо девушки немедленно стало печальным, но в глазах засветилась такая решимость сделать все, чтобы новый господин был доволен, что Алеша невольно улыбнулся и ласково сказал ей:

– Хорошо. Спасибо, ты можешь идти.

Китаянка тут же поклонилась и, мелко семеня невероятно маленькими ножками, вышла. Великий князь проводил ее глазами, потом отхлебнул чаю и, найдя его вкус превосходным, довольно кивнул.

– Пожалуй, мы здесь задержимся. Дом и вправду не дурен.

Впрочем, для Прохора испытания еще не кончились. Когда он вышел с сияющим, будто новый медный пятак, лицом, несносный Архипыч снова притянул его к себе, однако хватать за ухо не стал.

– А ты, курицын сын, почем знаешь, что девка хорошая? Уже того...

– Да господь с тобой, – отозвался лакей, – нешто я порядка не знаю? В господском доме ни-ни!

– Смотри мне, тля худая!

Но Прохор, не слушая матроса, уже выходил прочь, бурча про себя: «Хорошая девка, только дерется сильно, даром что роста с пуговку!»

* * *

Порт-Артур, конечно, не Урюпинск, но город все же провинциальный. Жизнь в нем скучна и однообразна, и потому жители его с нетерпением ждут любого праздника, будь то православное Рождество или День зимнего дракона. Особенно рады были, разумеется, местные дамы. Посудите сами, после всех положенных торжеств наместник непременно даст бал, а поскольку молодых и неженатых офицеров в Артуре всяко больше, чем барышень, то даже самым неприметным из них будет обеспечено мужское внимание. Не была исключением и мадам Егорова, в который раз спрашивающая своего супруга:

– Фима, ты, конечно же, достанешь для нас приглашение на бал наместника?

– Конечно-конечно, Капочка, – поспешно отвечал ей Ефим Иванович, – ты ведь знаешь, как это не просто, но мне твердо обещали!

Говоря по совести, господин коллежский асессор совершенно не чувствовал выказанной им уверенности. Мадам Егорова тоже не вчера родилась и потому, внимательно посмотрев на мужа, с подозрением переспросила:

– Фима?

Неожиданно к неловко заерзавшему на стуле чиновнику пришла на помощь его свояченица:

– Капа, оставь Ефим Иваныча в покое, лично я совершенно не собираюсь ни на какой бал!

Пока милейшая Капитолина Сергеевна, задохнувшись от возмущения, молчит, я попробую описать ее младшую сестру. Если коротко, то Людмила, которую все домашние называли Милой, была красавицей. Не слишком высокая, но и не маленькая, она была великолепно сложена. Черты лица ее были правильны и очень приятны любому глазу, но в особенности, конечно, мужскому. Каштанового цвета волосы, волнистые от природы, были уложены в косу толщиной в руку. Темные пушистые брови подчеркивали блеск карих глаз, а красиво очерченные, чувственные губы совершенно не нуждались в помаде. Все это великолепие портила одна маленькая деталь. Людмила Сергеевна была девушкой прогрессивной, а потому полагала свою красоту лишь досадной помехой на пути нравственного совершенствования. Бестужевские курсы, которые она закончила, лишь укрепили ее в этой самой прогрессивности, а потому она никогда не носила модных нарядов и изящных шляпок. Напротив, одежда ее была строга и всем встречным и поперечным говорила, что Мила законченный «синий чулок». Еще она прежде имела обыкновение мазать волосы маслом, чтобы избежать легкомысленных кудряшек, но, к счастью, ко времени нашего повествования уже отказалась от этой ужасной привычки.

– Мила, как ты можешь так говорить! – воскликнула Капитолина Сергеевна, когда к ней вернулся дар речи. – Я тут из кожи вон лезу, чтобы вывести тебя в общество, а чем ты мне отвечаешь?

Надобно сказать, что Капитолина Сергеевна, хотя лучшие ее годы уже миновали, была дамой еще довольно видной. В молодости она ничуть не уступала в красоте своей младшей сестре, но раннее замужество и многочисленные семейные заботы оставили свой след на некогда прекрасном лице. Несмотря на это, она еще пользовалась вниманием мужчин, в особенности с учетом того, что последних в Порт-Артуре было серьезно больше, чем дам. К тому же из последней поездки она привезла совершенно замечательное платье, в котором ее еще никто не видел. И предстоящий бал был вполне достоин того, чтобы явить его городу и миру. Можно ли осуждать милейшую Капитолину Сергеевну за эту ее маленькую слабость? Не говоря уж о том, что она действительно переживала за младшую сестру и всячески пыталась найти ей достойную партию.

– Я так стараюсь для тебя, а ты... неблагодарная!

После этих слов на глазах чиновницы показались слезы, и она отвернулась, чтобы не видеть лица людей, не ценящих ее усилий.

– Мама, мама, почему ты плачешь? – с этими словами к ней подбежал десятилетний мальчик в гимназическом мундире. – Mamочка, тебя кто-то обидел?

– Нет, Сереженька, я не плачу, но твоя тетя меня действительно обидела!

– Не может быть, – простодушно удивился мальчик, – разве Мила может кого-нибудь обидеть? Она же добрая!

– Нет, вы только послушайте, что говорит этот невоспитанный ребенок! – воскликнула мадам Егорова. – Значит, Мила добрая, а его мать, которая ночи не спала, растя это неблагодарное чудовище, таки злая!

Всякий раз, когда Капитолина Сергеевна волновалась, в ее прорезался речи одесский говор, которого она немного стеснялась. Но тут, сами понимаете, было не до стеснения. Впрочем, нарушители ее душевного спокойствия уже раскаялись и кинулись обнимать свою мать и сестру, пытаясь успокоить проснувшийся вулкан.

– Капочка, родная моя, ну что ты такое говоришь, мы все тебя очень любим. И я, и Сережа, и Ефим Иванович! Просто я не хочу замуж. Ну, сама посуди, если я выйду замуж, я ведь не смогу жить тогда с вами. А как же я без тебя и без Сережи?

– Ну что вы со мной делаете? – горестно вздохнула мадам Егорова, заключив своих беспутных родственников в объятия.

– Mamочка, мамочка, я тебя очень люблю, только не говори так больше! – повторял Сережа, заглядывая в глаза матери.

– Я тоже тебя люблю, мой мальчик, – сменила гнев на милость Капитолина Сергеевна, – и твою тетю тоже люблю, а она этого совсем не ценит!

– Ценю, ценю, моя дорогая!

– Кстати, я ведь рассказывала тебе, что мы с Фимой познакомились с одним молодым офицером флота?

– С офицером флота? – восторженно воскликнул Сережа, обожающий все, что связано с морем, и тут же продолжил с истинно детской непосредственностью: – Мила, вот бы было здорово, если бы ты вышла замуж за флотского!

Людмила Сергеевна, удивленно посмотрев на племянника, не выразила ни малейшего энтузиазма по этому поводу, а вот ее сестра не удержалась:

– Вот видишь! Устами младенца глаголет истина! Даже ребенок понимает...

– Не хочу ничего слышать! – строго отвечала им потенциальная жертва уз Гименея и добавила, с укоризной глядя на племянника: – Предатель!

* * *

Многочисленные молебны, торжественные обеды и прочие праздничные мероприятия до того утомили великого князя, что к началу бала он чувствовал себя совершенно разбитым. Уйти, впрочем, не было никакой возможности, и Алеша стойко нес свой крест. Открывался бал торжественным полонезом. В первой паре встал сам наместник, пригласивший к танцу жену военного коменданта Веру Алексеевну Стессель. Нестарая еще генеральша была негласной главой здешнего дамского общества и приняла приглашение как должное. Следующее место по праву принадлежало Алексею Михайловичу, и он, чувствуя себя под испытующими взглядами дам голым, пригласил дочку генерала Белого – Лидочку. Взгляды прекрасной половины общества скрестились на мадемуазель Белой, как лучи прожекторов на вражеском миноносце. Лорнетки стали неуловимо похожи на новейшие оптические прицелы, сузившие зрачки очаровательных дамских глаз прильнули к ним, и в воздухе неуловимо запахло порохом.

Впрочем, Алеша и восторженно глядящая на него Лидочка не обращали на это ни малейшего внимания. Грянула музыка, и пары пришли в движение.

– Спасибо вам, – доверчиво шепнула девушка своему кавалеру во время поклона.

– За что? – удивился Алеша.

– Это мой первый бал, и я очень боялась, что меня не будут приглашать.

– Ну, уж это решительно невозможно, – вежливо ответил великий князь.

– Вы так думаете?

У молодого человека язык не повернулся сказать Лидочке, что на балу явный некомплект дам и что остаться без кавалера не удалось бы и последней дурнушке. Вместо этого он улыбнулся и шепнул девушке:

– Я уверен.

После полонеза последовал вальс, затем полька, затем еще что-то. Алеша не ошибся, говоря, что Лидочка не останется без кавалеров, но сам этого уже не увидел. Воспользовавшись первой же возможностью, он отошел в сторону и вскоре покинул бал. Можно было взять экипаж наместника, но воздух был так свеж, луна светила так ярко, а снежок так приятно хрустел под ногами, что молодой человек решил пройтись. К тому же дворец наместника вплотную примыкал к Старому городу, и идти до дома было совсем недалеко. Мысль о том, что это может быть не безопасно, не мелькнула в голове великого князя. Впрочем, в честь праздника количество патрулей было удвоено, так что в городе действительно было все спокойно. Идя прогулочным шагом, Алеша и думать забыл о бале, о празднествах и молебнах. Завтра он вернется на броненосец, и продолжится та жизнь, которая ему очень нравится. Он будет стоять на вахтах, командовать матросами, учить их стрелять из пушек. Иногда появляться на берегу, где в домике с загнутыми вверх углами черепичной крыши его будет ждать Кейко.

Как и все дети великого князя Михаила Николаевича, Алеша был воспитан в строгости. Подбирая учителей своим детям, августейшие родители обращали главное внимание на нравственные качества претендентов, так что даже если бы молодые люди и решили согрешить, сделать это под строгим надзором было бы решительно невозможно. Когда же Алексей Михайлович заболел и стал жить один, то он сам стал сторониться женщин, боясь, что вызывает в них лишь жалость или, хуже того, алчность. Нет, он, разумеется, не увлекся, подобно кузену Сергею Александровичу⁹, особами своего пола, но единственным его романтическим увлечением до сих пор была молоденькая итальянка Франческа, приносившая на снимаемую им виллу козье молоко. Горячая южная красotka быстро заметила, что русский принц смотрит на нее восторженными глазами, и сама сделал первый шаг. Скоро они гуляли, взявшись за руки, по берегу моря. Затем был первый поцелуй, затем... Затем Алеша случайно подслушал ее разговор с одним молодым человеком. Франческа, нимало не смущаясь, говорила ему, что его ревность беспочвенна и этот русский ей совсем не нравится, а если Паоло не будет дураком, то она сумеет неплохо заработать и будут они жить долго и счастливо на деньги этого глупого принца. Напрасно потом Франческа кричала у ворот виллы, что ее оклеветали и она любит своего дона Алессио без памяти. Великого князя не было уже там, а прощальный подарок хитрый привратник и не подумал отдавать девушке, справедливо рассудив, что она себе еще заработает, а он уже стар и ему надо побеспокоиться о хлебе насущном.

Алеша никому не рассказывал об этом своем увлечении и продолжал сторониться женщин. За много лет Кейко была первой, на кого он вообще обратил внимание. В ней все было непривычно для молодого человека. Непривычная восточная красота, непривычная пластика отточенных движений, непривычная мелодия голоса. Нет, он не думал еще о ней как о женщине, но она положительно захватила его мысли, и мысли эти были приятны. Сама же китаянка была неизменно приветлива и внимательна. Она заваривала бесподобно вкусный чай и

⁹ Великий князь Сергей Александрович – московский генерал-губернатор.

подавала его с таким изяществом, что Алеша был готов любоваться этой церемонией бесконечно. Дом маленькая служанка содержала в образцовом порядке, и даже Архипыч, мало кого хваливший в своей жизни, отзывался о ней неизменно одобрительно, а Прохор, похоже, просто побаивался.

Так он шел погруженный в свои размышления, пока внимание его не привлек какой-то непонятный звук. Приглядевшись, великий князь заметил, что несколько местных жителей пытаются затащить на повозку рикши довольно большой сверток. Алеше не было дела до китайцев и их груза, поэтому он продолжил было свой путь, но из непонятного свертка явственно донесся сдавленный стон. Поняв, что звук привлек внимание русского офицера, один из грузчиков вышел вперед и попытался решить дело миром.

– Господина капитана, – проговорил он на ломаном русском языке, – ступай своя дорога. Наша ничего не хочет, твоя ничего не надо. Ступай, а!

– Что у вас там такое? – строгим голосом спросил лейтенант.

– Там все наша, там твоя ничего нет.

Отправляясь на бал, Алеша, разумеется, не взял с собой свой револьвер, и единственным его оружием был парадный палаш. Однако трусом он тоже не был и потому решительно обнажил свой клинок и встал в позицию. Рука одного из китайцев дернулась за пазуху, но другой, по всей видимости старший из них, остановил его. Мерзко улыбаясь, китайцы двинулись с трех сторон на русского офицера, достав из складок одежды кривые ножи. Хотя фехтование никогда не входило в число увлечений великого князя, у него были хорошие учителя. Поняв, что схватки не избежать, он не стал дожидаться, пока кто-нибудь зайдет за его спину, и решительно атаковал. Хунхузы, а сомнений в том, что это именно они, уже не было, оказались непростыми противниками, и хотя длина их клинков уступала русскому палашу, ловко двигались, пытаясь достать своего противника. Неизвестно, чем бы все это кончилось, но на счастье великого князя их возня и звон стали привлечь-таки внимание патруля. Громко бухая сапогами и не менее громко матерясь, к месту поединка бегом приближались трое солдат во главе с унтером в шинелях и лохматых маньчжурских папах. Увидев новую опасность, разбойники, и не подумав сопротивляться, бросились врассыпную.

– Живы, ваше благородие? – участливо спросил унтер, подбежавший первым.

– Спасибо, братец, – только и смог ответить Алеша.

– Совсем обнаглели косорылые, на офицера напали.

– Да они не то чтобы напали, но какой-то сверток тащили, а оттуда стон, – сбивчиво попробовал объяснить им великий князь.

– Сейчас поглядим, – деловито стал распоряжаться унтер, – Самохвалов, ну-ка разверни сверток!

Солдат немедленно выполнил распоряжение, и их взорам предстало удивительное зрелище. В грязную мешковину была завернута девушка определенно европейского вида. Очевидно, от недостатка воздуха ей стало нехорошо, и она находилась в обмороке.

– Барышня, – протянул с глупой улыбкой солдат, которого унтер назвал Самохваловым, – красивая!

– Ты-то что в этом понимаешь, дурья башка, – оборвал его строгий начальник, – лучше грузите ее в тележку, да отвезем в участок. Там и разберемся, кто такова. Ваше благородие, пожалуйста с нами. Вы все же свидетель.

Сказано – сделано, быстро уложив спасенную в «экипаж», солдаты споро покатали его к своему участку. Занеся ее внутрь, стали думать, как оказать помощь не приходящей в себя девушке.

– Надо бы за фельдшером послать, – задумчиво протянул унтер, – да за писарем, протокол писать.

Однако врачебная помощь не понадобилась, лейтенант достал из кармана благоухающий парфюмом платок и поднес к лицу бывшей пленницы. Девушка наморщила прелестный носик, пару раз чихнула и пришла в себя.

– Где я? – спросила она слабым голосом.

– В участке, барышня, – с участием в голосе отвечал ей унтер, – хунхузы, чтобы им ни дна, ни покрывки, схватили вас, да и поволокли незнамо куда. Скажите спасибо, что их благородие мимо проходил и вступился, а то бы...

– Спасибо вам, – пролепетала спасенная, во все глаза глядя на своего спасителя.

– Не стоит благодарности, – мягко отвечал ей Алеша, – вам уже лучше?

– Немного.

– Где вы живете?

– На Купеческой...

– Эко вас занесло, – крикнул унтер, – что же вы гуляете одна в сию пору? Далеко ли до беды!

– Я учительница в пушкинской школе, – стала объяснять девушка, конфузясь, – шла домой, а тут...

– Чего уж там, на грех мастера нет. Однако где Филька, писарская его душа? Протокол-то сам собой не напишется.

– Ой, – всполошилась спасенная, – а можно без протокола?

– Как же без протокола, барышня, – удивился унтер, – порядок есть порядок!

– Понимаете, – почти со слезами на глазах взмолилась учительница, – у меня могут быть неприятности.

– Да какие уж это неприятности, супротив похищения-то!

Совсем уже пришедшая в себя девушка в отчаянии оглянулась и снова встретилась глазами со своим спасителем. Широко открытые карие глаза так просили о помощи, что Алеша не смог остаться безучастным.

– А что, братец, – обратился он к унтеру, – из господ офицеров здесь никого нет?

– Да как же, ваше благородие, нет. Господин подпоручик Сомов, только они отошедши...

– Так, может, господину подпоручику и знать о сем происшествии не надобно?

– Это как же?

– Да вот так, – пожал плечами лейтенант и, открыв портмоне, достал из него ассигнацию, – это вам за труды на всех, а барышню отправим домой.

– Оно, конечно, барышне конфузливо будет в протоколе-то, – с сомнением протянул унтер, пристально глядя на красненькую¹⁰. – Впрочем, как прикажете, ваше благородие!

– Ну, вот и хорошо, только надо бы экипаж какой...

– Сей секунд, тут рядом Клим Чугункин жительствоует, ломовой извозчик. Экипаж у него, конечно, неказистый, но если не побрезгуете...

Лейтенант не побрезговал, и вскоре он и спасенная садились в повозку лохматого как черт Чугункина.

– Может, послать кого из солдат с вашим благородием? – спросил на прощание унтер.

– Не стоит, благодарю за службу!

– Рады стараться! – гаркнули солдаты в ответ.

Время было позднее, и никто не видел, как рядом с доходным домом на улице Купеческой остановилась телега, доставившая странную пару – немного растрепанную учительницу земской школы и офицера флота. Алеша первым соскочил на мостовую и предложил спасенной руку. Та с благодарностью приняла ее и покинула неказистый экипаж.

– Ну, вот я и дома, господин лейтенант, – проговорила девушка, немного смущаясь.

¹⁰ Простонародное название ассигнации в 10 рублей.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – отвечал ей великий князь, – похоже, пора прощаться.

– Да, благодарю вас за все, э...

– Алексей Михайлович, – вспомнил тот, что так и не представился.

– Людмила Сергеевна, – ответила ему девушка, несмело протягивая ладошку.

Алеше было непривычно, что женщина протягивает ему руку иначе как для поцелуя, но тем не менее он аккуратно пожал ее и, приложив руку к треуголке¹¹, попрощался. Извозчик свистнул кнутом, и телега снова двинулась по направлению к Старому городу, а девушка быстрыми шагами пошла к себе. Тихонько постучав в дверь и дождавшись, пока ей откроют, она проскользнула внутрь и тут же попала в оборот.

– Мила, что с тобой? Где ты была, и почему ты в таком виде? – забросала ее вопросами сестра.

– Капочка, милая, не волнуйся, все хорошо. Я тебе непременно потом все расскажу, а теперь, пожалуйста, дай мне пройти, я очень устала.

Обычно от Капитолины Сергеевны (а это была она) так просто было не отбиться, но поглядев на пылающее лицо Людмилы, чиновница решила повременить с вопросами. Девушка же, попав в свою комнату, в изнеможении присела на стул. Как я уже упоминал, Мила была барышней прогрессивной и не собиралась давать волю слезам. Произошедший с ней случай был, конечно, неприятным, но, как справедливо заметил ее спаситель, все хорошо, что хорошо кончается. Следующий раз она будет осмотрительней и больше не попадет в такую глупую западню. Потом взгляд ее обратился к зеркалу, и она поразилась своему внешнему виду.

– Ну, конечно, – всплеснула она руками. Ворот порван, волосы растрепаны, весь вид помятый. Разумеется, поэтому этот милый лейтенант не хотел ей представляться и не выразил надежду продолжить знакомство! Как можно вообще заинтересоваться такой растрепанной особой? Ну, ничего, Артур город маленький, они еще увидятся, и тогда он поймет, что ошибался на ее счет. Непременно поймет, как же может быть иначе?

Рассуждая так, очаровательная Людмила Сергеевна принялась приводить себя в порядок, сама не заметив, что впервые в жизни забыла о прогрессивности и эмансипации и хочет не нравственного совершенствования, а чтобы понравившийся ей молодой человек проявил к ней хоть каплю интереса. Как к разносторонне развитой личности, разумеется! Ну, и как к молодой и красивой женщине.

* * *

Праздники отгремели, и больше всех этому рад был вернувшийся на «Полтаву» великий князь. Броненосец снова вышел на внешний рейд и наконец-то вступил в кампанию. В воздухе отчетливо пахло порохом, и русские корабли были готовы в любой момент вступить в бой. Впрочем, если не считать краткий поход к Талиенвану, особой активности эскадра не проявляла. В тот день Алеша вместе со старшим артиллеристом броненосца, лейтенантом Рыковым, проводили учения комендоров. Стрельб, конечно, было устроить нельзя, но в остальном все прошло хорошо. Матросы в каземате быстро занимали места по боевому расписанию, наводили пушки на воображаемого противника, подносили снаряды и были готовы открыть огонь. Башни среднего калибра двигались несколько медленнее палубных орудий, что, впрочем, с лихвой компенсировалось их большими углами наведения и лучшей защитой в бою.

¹¹ Треуголка в те годы еще была неотъемлемой частью парадной формы офицеров флота.

– Черт знает что с этим указателем, – с досадой проговорил Рыков, – положительно нам дальномерщики цены на дрова передают, а не дистанцию. Ну, никак не может быть до Золотой Горы восьми кабельтовых!¹²

– Андрей Николаевич, – отозвался Алеша, – я могу отправиться на марс, кажется, я знаю, в чем там дело.

– Сделайте одолжение, Алексей Михайлович, а то Зилов там точно не справится.

Конечно, отправлять великого князя на верхотуру боевого марса было не очень... но, во-первых, он сам вызвался, а во-вторых, Алеша, к огромному удивлению своих сослуживцев, действительно разобрался в устройстве капризного дальномера. Появившись на площадке, он быстро нашел неисправность и, повторно замерив расстояние, передал его вниз Рыкову.

– Удивляюсь вам, Алексей Михайлович, – развел руками мичман Зилов, – как вы разбираетесь в сем мудренном механизме, ума не приложу.

– Полно, Александр Александрович, ничего особо мудреного в этом нет.

– Не скажите, мон шер, с прежними угломерами все просто, замерил угол к высоте мачты – и решил задачку из гимназического курса. А сей прибор господ Барра и Струда вгоняет меня в черную меланхолию.

– А это еще что такое? – внезапно перебил его Алеша.

– Где?

– Да вот же...

Зрелище и вправду было занятное. Из внутренней гавани Порт-Артура выходил целый караван небольших судов. Впереди шел маленький пароходик, расцвеченный флагами, палуба которого была запружена народом.

– Да это же японцы город покидают, – воскликнул Зилов, отставив в сторону бинокль, – вон, смотрите, их консул отдельно ото всех стоит. Как его, дьявола... Забыл совсем!

За первым пароходом шел другой, затем несколько джонок, и на каждой из них толпились люди. В Артуре проживало довольно много японцев. Одни из них занимались коммерцией, другие ремеслами. Многие японки служили нянями в русских семьях, другие, скажем так, оказывали услуги иного рода. Одновременный отъезд этих людей стал большой потерей для города, но главное, он со всей отчетливостью показал, что война вот-вот начнется.

За обедом в кают-компании все разговоры были, разумеется, об отъезде подданных микадо и о предстоящих событиях.

– Крайне досадно, господа, что война начнется именно сейчас, – говорили одни, – очень уж неблагоприятное расположение у наших сил. Посудите сами, «Варяг» с «Корейцем» застряли в Чемульпо, «Маньчжур» в Шанхае. Отряд Вирениуса вообще у черта на куличках.

– Ничего страшного, – отвечали им другие, – побьем супостата. Да и отъезд японцев – это еще не война. Сначала дипломаты нотами обменяются, затем разрыв отношений последует, а только потом война-с!

– Что-то с китайцами они так не церемонились.

– Так то с китайцами, а Россия все же держава европейская!

– А вы что думаете, Алексей Михайлович? – спросил у задумавшегося великого князя старший минер лейтенант Страховский.

Тот несколько отстраненно посмотрел на спрашивающего, будто не понимая, где находится, затем смущенно улыбнулся и неожиданно для всех проговорил:

– Я думаю, Борис Михайлович, что наша эскадра совершенно незащитна перед ночными атаками японских миноносцев.

– Что, простите?

¹² Кабельтов – 185,2 метра.

– Я говорю, что если минные силы японского флота внезапно нас атакуют, то с большой вероятностью повредят значительное количество наших кораблей. И если мы не хотим доставить им подобной радости, то надо непременно сегодня же выставить минные сети. Простите, господа, я вас покину.

Когда великий князь вышел из кают-компаний, офицеры озадаченно переглянулись, затем Лутонин, мотнув головой, произнес:

– А ведь Алеша наш дело говорит! Так, господа, я к командиру, а вы, Борис Михайлович, будьте готовы. Все же мины и заграждения от них – ваша епархия.

Капитан первого ранга Успенский, как оказалось, тоже был озабочен сложившимся положением и горячо поддержал инициативу своих офицеров. Не прошло и часа, как начались подготовительные работы. Матросы под руководством минных офицеров вытащили на палубу и начали разворачивать сети, с тем чтобы можно было выставить их на специальных балках, называемых выстрелами. Идея этого заграждения очень проста. Выставленная сеть, должна поймать в свои объятия вражескую самоходную мину¹³ и не дать ей, ударившись о борт, взорваться. Это нехитрое устройство, конечно, не панацея, поскольку оконечности остаются незащищенными, однако все же является довольно действенной преградой. Другим его недостатком является невозможность быстро дать ход. Если корабль начнет движение не убрав прежде сети, ее обрывки непременно намотаются вокруг винтов. Впрочем, убрать ее дело не слишком долгое, так что неудобство это невелико.

К сожалению, установить сети в тот день было не суждено. Так уж сложилось, что наместник, несмотря на то что был адмиралом, на кораблях бывал крайне редко и предпочитал руководить ими с берега. Командующий же эскадрой адмирал Старк никогда не смел ничего предпринимать, не посоветовавшись прежде с Алексеевым, а потому постоянно находился в разъездах между своим флагманом и штабом наместника. Как на грех, едва сети были расстелены на палубе, мимо проходил катер со Старком. Возвращающийся с берега флагман, очевидно, находился в дурном расположении духа и, увидев приготовления на «Полтаве», пришел в ярость. Немедленно направившись к броненосцу, адмирал поднялся на него, и, недолго думая, обрушился на командира и его офицеров с отборной бранью. Ругань начальства на подчиненных является в России делом обычным, а уж для заслуженного адмирала, каким, без сомнения, был Старк, уж просто обязательным. Так что офицеры во главе с командиром с каменными лицами стоически выслушали все, что выдал им адмирал. Наконец, начальственный гнев понемногу утих, и флагман, махнув рукой в сторону разложенных сетей, приказал:

– Убрать!

– Есть! – коротко вскинул руку к козырьку Успенский.

– И какому только недоумку, мать его разэдак, пришла в голову идиотская идея с сетями! – рыкнул напоследок адмирал, собираясь уже уходить, но тут нашла коса на камень.

Надобно сказать, что, будучи воспитанным молодым человеком, великий князь никогда не ругался сам и, по понятным причинам, не был прежде объектом для ругани других. Последняя фраза адмирала переполнила чашу терпения Алеши, после чего он, сделав шаг вперед, отдал честь и громко отрапортовал:

– Осмелюсь доложить вашему превосходительству: мне!

– Что – вам? – искренне удивился Старк.

– Мне пришла в голову эта идиотская мысль, и я тот самый недоумок!

Сначала адмирал побагровел, потом побледнел, затем махнул рукой и, как-то по-стариковски шаркая ногами, спустился по трапу в свой катер, после чего тот отчалил.

– Н-да, уважаемый Иван Петрович, не каждый день можно услышать, как адмиралы великих князей прилюдно полощут, – вполголоса заметил стоящий рядом с Успенским Лутонин.

¹³ Так в те времена именовались торпеды.

– И не говорите, – отозвался тот, – наоборот слышать приходилось, а вот чтобы эдак – впервые. А ведь, как ни крути, оскорбление члена императорской фамилии.

– Бог с ней, с фамилией, с сетями-то что делать будем?

– Убирать, Сергей Иванович, что уж тут делать.

– А может...

– Увольте, это нашему Алеше Старк ничего не сделает, а нам с вами формуляр испортит как пить дать! Так что давайте убирать сети. Если что, наша совесть чиста.

– Как скажете, Иван Петрович.

– Исполняйте, голубчик.

– Есть!

* * *

Всякое действие на боевом корабле заканчивается приборкой, такова уж традиция. Так было и на этот раз, сначала матросы убрали сети, затем с остервенением драили палубу, не переставая про себя материть начальство, которое само не знает, чего ему нужно. Потом, разумеется, нашлись еще работы, слава богу хоть покормить не забыли. Солнце уже давно село, когда утомленные моряки наконец смогли разобрать свои койки и лечь спать. Господа офицеры, за исключением вахтенных, тоже разошлись по своим каютам. Алеша в тот вечер был свободен от службы и сидел у себя в каюте. Спать ему не хотелось, и, чтобы убить время, он рассматривал марки. Надо сказать, что собирательство почтовых марок было второй страстью молодого человека после моря. Более того, в среде так называемых филателистов он был немалым авторитетом, поскольку обладал завидной коллекцией. Основная ее часть осталась в Петербурге, но кое-что он взял с собой. Сослуживцы знали об этой его привязанности и, желая сделать ему приятное, получая почту, частенько спрашивали, не нуждается ли он в новых экземплярах. Иногда среди них попадались достаточно интересные образцы, и молодой человек с благодарностью принимал их. Увы, заниматься марками решительно не хотелось, и лейтенант с досадой отодвинул альбом. Немного подумав, он оделся и вышел на палубу, где едва не столкнулся с вахтенным начальником мичманом Феншоу.

– Не спится, Алексей Михайлович?

– Ах, это вы, Лев Константинович. Да, не спится. Тревожно как-то на душе, знаете ли.

– Признаться, мне тоже. Все-таки зря сети не поставили, было бы спокойнее.

Проговорив это, мичман спохватился, что великому князю, возможно, неприятны эти воспоминания, однако на лице Алеши не дрогнул ни один мускул. Убедившись, что тот не в обиде, Феншоу продолжал:

– А вы знаете, мне немного жаль, что японцы уехали. Люди вежливые, обязательные и весьма пунктуальные, не то что наши.

– Мой брат бывал в Японии и тоже весьма высоко оценивал этот народ.

– О, он, вероятно, бывал в Нагасаки?

– Именно так.

– Тогда он имел возможность оценить не только народ в целом, но и представительниц его прекрасного пола, не так ли?

– Он мне не рассказывал.

– Ну и напрасно! Японские женщины, доложу я вам, это что-то с чем-то! Вы знаете, кто такие мусумэ?¹⁴

– Увы, нет.

¹⁴ Временная жена.

– Ваш августейший брат, уважаемый Алексей Михайлович, не рассказал вам самого главного! Но я берусь восполнить этот пробел.

Вообще-то Алеша знал, кто такие мусумэ, просто разговор был ему неприятен, и он наивно думал, что таким образом отвяжется от Феншоу. Однако тому было скучно, и возможность рассказать скабрезную историю великому князю показалась ему заманчивой.

– Так вот, мон шер, мусумэ – это некоторым образом...

– Что это там? – перебил его собеседник, встревоженно всматриваясь в темноту за бортом.

– Что, простите? Я ничего не вижу.

– Да вон же, посмотрите, какие-то тени скользят...

Офицеры некоторое время напряженно всматривались в темноту, но разглядеть ничего было нельзя. Наконец вахтенному начальнику надоело напрягать зрение, и он зычно крикнул:

– Эй, на прожекторной!

– Есть на прожекторной! – немедленно отозвался дежуривший там матрос.

– Ну-ка, братец, посвети вон туда...

В этот момент окружавшую эскадру тишину в клочья разорвал взрыв. Где и что именно взорвалось, было решительно непонятно, но зажегшийся наконец прожектор заскользил лучом по почти черным в темноте волнам.

– Миноносец! – раздался встревоженный крик с марса.

– Какой еще, ко всем чертям, миноносец? – недоуменно проговорил Феншоу.

– Да вот же он!

– Действительно миноносец, кажется, это кто-то из первого отряда... Да они что, белены там объелись?

Пока они изумленно смотрели на освещенный прожекторным лучом маленький корабль, на нем явственно полыхнуло вспышкой вышибного заряда, и в сторону «Полтавы» пошла, оставляя пенистый след, самодвижущаяся мина. Расстояние было ничтожно, и на то, что на неведомом миноносце промахнутся, нечего было и надеяться. Затаив дыхание, Феншоу и Алеша глядели, как к ним приближается смерть. Наконец мина достигла борта и с глухим стуком ударилась об обшивку. Зажмурив глаза, ждали они неминуемого взрыва, и... ничего не последовало.

– Пронесло, – выдохнул мичман, – отвела царица небесная! Бывает такое, не взорвалась, проклятая.

Впрочем, великий князь его уже не слушал. После первого шока, вызванного неожиданным нападением, в голову Алёши пришла мысль, что он артиллерист и его место сейчас у пушек. Опрометью бросившись к себе на батарею, он застал там не понимающих, что происходит, комендоров. Растолкав их, вскочил на место наводчика.

– Заряжай, – отрывисто крикнул он своим подчиненным, тяжело вращая маховик горизонтальной наводки.

– Так заряжено же, вашбродь!

– Тогда пли!

Противоминные орудия на мостике и марсе броненосца, чьи комендоры опомнились первыми, уже вели лихорадочный огонь по мелькавшим в сумраке теням. Но что могли сделать юрким вражеским миноносцам малокалиберные 37- и 47-мм пушчонки? Совсем другое дело, когда стрельбу по ним открыли куда более мощные шестидюймовки. Внушительное рявканье ведущих беглый огонь крупнокалиберных орудий сразу перекрыло звук своих меньших собратьев. Высокие всплески, внезапно появившиеся на пути, сразу показали японцам, что шутки кончились и за дерзость наглого нападения придется отвечать. Прожекторам броненосца наконец удалось поймать в свои сети вражеский корабль, и море вокруг него тут же закипело от близких разрывов. На маленьком миноносце, очевидно, не ожидали столь горячего приема и

попытались сманеврировать, но лучи прожекторов не желали выпускать свою жертву, а русские артиллеристы развили поистине ужасающий огонь.

– Есть, – выдохнул Алеша, ясно видевший, что посланный им снаряд угодил шустрому противнику в борт.

Но вражеский корабль и не подумал взрываться, а лишь, ускорив ход, вырвался-таки из цепких объятий прожекторных лучей и исчез во тьме.

– Да что же это, – разочарованно воскликнул лейтенант, – я же видел...

– Так точно, вашбродь, и я видел, – поддержал своего командира наводчик соседнего орудия и тут же поправился: – Ой, ваше императорское высочество...

– Да ладно тебе, – махнул рукою великий князь, – титулуй как тебе привычнее, только быстро, а то в бою не до церемоний. Ну что там?

– Да не видать ничего, и с мостика ничего не командуют! Может, послать кого, чтобы узнали?

Людям, разгоряченным боем, было невыносимо сидеть в закрытом каземате, не имея вестей снаружи. Приказав, чтобы наводчики следили за морем и в случае чего открывали огонь без предупреждения, их командир решил подняться на верхнюю палубу, чтобы осмотреться.

Вокруг бушевал настоящий ад. На всей эскадре комендоры кинулись к орудиям и, зарядив их, принялись остервенело палить в окружающую русские корабли темноту. Казалось, на рейде кипит настоящее сражение, только непонятно было, кто в кого стреляет. Вскоре на батарее Золотой Горы зажегся прожектор и, подняв свой луч вертикально, потребовал прекратить огонь.

Первыми пришедшие в себя офицеры принялись оттаскивать комендоров от пушек, но тех было не унять. Наконец стрельбу кое-как задробили, но тут с марса снова кто-то крикнул: «Вражеский миноносец!» – и бедлам повторился вновь. Распорядившийся комендорами лейтенант Рыков, грязно матерясь, полез было отгонять их от пушек, но тут прожектор снова осветил атакующего врага.

– Огонь! – заорал старший артиллерист, забыв, что только что требовал от своих подчиненных противоположного.

Орудия броненосца дружно загрохотали. Неизвестно, попали ли они хоть раз в японцев, но те не решились подойти ближе и пустили свою мину издалека. Пройдя в полукабельтове от носа броненосца, она пропала в окружавшей его темноте. Комендоры вообразив, что это они отбили вражескую атаку, разразились радостными криками «ура!».

Так продолжалось до утра. Японцы еще несколько раз пытались атаковать, но эскадра встречала их таким сильным огнем, что все попытки их, кроме первой, не принесли успеха. Но когда первые лучи солнца окончательно разогнали ночную мглу, стало понятно, что два новейших броненосца заграничной постройки «Цесаревич» и «Ретвизан» повреждены и хотя и сохранили плавучесть, но стоят с таким креном, что впору ждать непоправимого. Кроме того, был подорван крейсер «Паллада», но его командир не стал искушать судьбу и сразу посадил свой корабль на мель.

На «Полтаве», впрочем, все было, к счастью, благополучно. Осмотрев броненосец и не найдя никаких повреждений, старший офицер Лутонин собрался было идти на доклад к стоящему на мостике командиру, но тут его внимание привлек белый, как мел, матрос, с ужасом глядящий за борт.

– Ты чего, братец? – настороженно спросил он его, но матрос лишь судорожно показывал рукой за борт, дескать, там.

Глянув в направлении его руки Лутонин, похолодел. Неразорвавшаяся мина продолжала плавать рядом с броненосцем, время от времени стучаясь о его борт.

– Спустить шлюпку, – немедленно скомандовал он.

– Не успеем, – пробормотал обнаруживший опасность матрос и вдруг, не раздеваясь, сиганул за борт в ледяную воду.

– Ты что творишь! – крикнул было старший офицер, но тут же все понял.

Отчаянный матрос, оказавшись в воде, уперся в сигарообразное тело и как мог удерживал его подальше от борта броненосца, давая тем самым время остальным спустить шлюпку и, зацепив чем-нибудь адскую игрушку, отбуксировать подальше от корабля, пока не случилось беды. Вот только кто отважится на такое опасное мероприятие?

– Кто пойдет, господа? – тихонько спросил Лутонин у стоящих рядом офицеров.

– Я, если позволите, – не раздумывая отозвался на его слова Алеша.

– Позвольте, господа, но это моя епархия! – решительно отстранил великого князя вышедший вперед старший минер лейтенант Страховский.

– Действуйте, Борис Михайлович, – кивнул старший офицер.

Через пару минут шлюпка была спущена, и занявшие в ней места минеры подгребли к опасной соседке. Заведя с помощью багра на мину петлю из прочного линя, они навалились на весла и под напряженными взорами всего экипажа принялись ее буксировать. Тем временем из воды уже достали смельчака и, посмотрев на его перекошенное от холода лицо, потащили в лазарет.

– Кто таков? Я не разглядел, – спросил у Лутонина подошедший Успенский.

– Никонов, гальванер, – ответил тот ему, продолжая напряженно следить за шлюпкой.

– А, помню, к кресту его!

– Есть!

Наконец, отведя мину на безопасное расстояние, храбрецы смогли вернуться на броненосец, на верхней палубе которого уже ждал караул с винтовками. Как только все поднялись на борт, командир приказал открыть огонь. После нескольких залпов мина затонула, и собравшиеся, сняв фуражки и бескозырки, принялись облегченно креститься.

– Сергей Иванович, – обратился к Лутонину Успенский, – напишите рапорт о произошедшем. Господина лейтенанта представим к Владимиру с мечами¹⁵, а нижних чинов – к крестам. Ну, и Никонова, бедолагу, не забудьте.

– Есть, – козырнул тот в ответ и облегченно добавил: – Я как эту мину проклятую увидал, все сети вчерашние вспоминал.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – спокойно ответил ему командир. – Хотя, конечно, зря мы их не поставили.

– Отдавая должное предусмотрительности Алексея Михайловича, – неожиданно подал голос Страховский, – хочу заметить, что сети нам могли и не помочь.

– Как так?

– Дело в том, господа, что головная часть мины была снабжена довольно остроумным устройством для перерезания сетей. Что-то вроде механических ножниц.

– Что вы говорите?

– Именно так, и хотя у меня не было времени и возможности разобраться с их устройством получше, но я почти уверен, что именно эти ножницы и помешали взвестись японскому взрывателю. Так что, господа, наши противники сами себя перехитрили!

Сначала все услышавшие лейтенанта потрясенно молчали, затем принялись дружно смеяться, и, наконец, кто-то из матросов крикнул: «Качать их!»

Нижние чины гурьбой налетели на героев дня – минеров, и принялись их подкидывать. Воодушевление матросов было столь заразительно, что офицеры тоже не утерпели и присоединились к ним. Люди так радовались тому, что угрожавшая им смертельная опасность миновала, что казалось, будто нет и быть не может никакой пропасти, отделявшей нижних чинов

¹⁵ Орден Святого Владимира. Мечи означают, что он получен за боевые заслуги.

от господ офицеров. Все они просто русские моряки и добрые товарищи с одними горестями и радостями на всех.

Однако радость их была не долгой. Адмирал Того, полагавший, что большинство русских кораблей повреждено, а экипажи остальных деморализованы, уже вел свой флот к Порт-Артуру.

Первыми показалась разведка из четырех бронепалубных крейсеров типа «Такасаго». Идя средним ходом с W на O¹⁶, они явно высматривали результаты ночной атаки. На неповрежденных русских кораблях сразу же стали выбирать якорные цепи. Затем флагманский «Петропавловск», просигналив «следовать за мной», дал полный ход и пошел напересечку вражескому курсу. Броненосцы один за другим выстраивались в кильватер и двинулись на противника. Однако японцы вовсе не собирались драться со всей эскадрой, и едва расстояние сократилось до 70 кабельтовых, дали полный ход и, пользуясь преимуществом в скорости, стали уходить.

На «Полтаве», идущей второй, внимательно наблюдали за маневрами вражеских крейсеров.

– По-моему, господа, они нас заманивают, – проговорил лейтенант Рыков.

– Возможно, – ответил ему Успенский, – но скорее, просто посчитали, а потом ушли.

– Господин капитан первого ранга, лейтенант Романов явился по вашему приказанию, – отпарентовал вызванный незадолго до того Алеша.

– А вот и вы, Алексей Михайлович, весьма кстати. Простите великодушно, что за всеми ночными волнениями не воздал должное вашей распорядительности. Не открой ваш плутонг так вовремя огонь, еще неизвестно, чем бы все кончилось.

– Я сделал только то...

– Полно, батенька, мы все прекрасно осведомлены о вашей скромности, но речь не об этом. Ваши таланты нужны мне сейчас в другом месте. Так уж случилось, что носовая башня осталась без офицера. Отправляйтесь в башню и принимайте командование.

– Слушаюсь!

– Ступайте, лейтенант, исполать вам!

Когда великий князьзнакомился с кораблем, он, разумеется, не пропустил артиллерийских башен. Но одно дело заглянуть туда из любопытства, а совсем другое – получить под свое командование. Огромные сооружения, закованные в броню, с грозно торчащими стволами исполинских пушек, внушали неподдельное уважение своей мощью. Когда толстая броневая дверь захлопнулась за вошедшим Алешей, по спине его невольно пробежал холодок. На казавшейся особенно щуплой на фоне окружающих механизмов фигуре испытующе скрестились глаза расчета. Общее молчание казалось угрюмым и грозило раздавить неопытного офицера, рискнувшего ступить на чужую территорию.

– Здравствуй, братцы, – звонко и немного отчаянно выкрикнул великий князь своим новым подчиненным, когда молчание стало уж совсем невыносимым.

– Здравия желаем вашему императорскому высочеству! – проревели в ответ полтора десятка плоток.

Привычное с детства титулование неожиданно вернуло равновесие новоиспеченному командиру башни, и он двинулся вперед. Подчиненные на поверку оказались совсем не такими враждебными и приветливо встретили молодого офицера.

– Пожалуйста сюда, ваше императорское... – начал было кондуктор, но Алеша его перебил:

– Если ты и в бою меня постоянно эдак титуловать будешь, то мы по японцам и пострелять не успеем. Давай уж как-нибудь покороче. Ты ведь Хватов?

¹⁶ С запада на восток.

– Так точно, артиллерийский кондуктор Хватов, ваше импер... вашбродь!

– Ну и славно. Кто я, вы все знаете, а кто вы, я тоже запомню, разве что не сразу. Сейчас мы идем в бой, а потому церемонии разводить некогда. По местам!

Пока Алеша знакомился с новыми подчиненными и вверенным ему «казенным имуществом»¹⁷, русская эскадра успела вернуться на рейд под защиту береговых батарей. На батарее Золотой Горы поднялся сигнал: «Наместник приглашает адмирала прибыть при первой возможности». И на бросившем якоря «Петропавловске» немедля спустили катер. Пока Старк, уже вполне привыкший по всякой малости спрашивать мнения наместника, отправился получать очередные ценные указания, от эскадры отделился крейсер «Боярин» и пошел в море на разведку. Лишенные командования броненосцы и крейсера спокойно стояли на якорях примерно до одиннадцати часов утра. В это время все увидели несущийся на полном ходу «Боярин» с поднятым сигналом: «Вижу шесть неприятельских судов». Затем сигнал сменился на «Вижу восемь судов», а еще через некоторое время – на «Вижу весь неприятельский флот»! Когда Старк послал на разведку именно «Боярина», многие недоумевали. Этот маленький, но ладный кораблик отнюдь не был лучшим скороходом эскадры. Гораздо способнее было послать в дозор «Новик», чей ход почти не уступал в скорости миноносцам. Во всяком случае, ни один из японских крейсеров не смог бы его догнать, и он вполне успел бы посчитать вражеские корабли, а затем без помех уйти. Однако адмирал несколько недолюбливал азартного и инициативного Эссена, а к капитану второго ранга Сарычеву, напротив, относился с симпатией. И потому для всякого дела из двух этих кораблей неизменно выбирал «Боярина».

Как бы то ни было, но японский флот в полном составе быстро приближался к Порт-Артуру. Несмотря на отсутствие адмирала, медлить было нельзя, и флаг-капитан приказал поднять сигнал: «Флоту сниматься с якоря, “Севастополю” быть головным». Но едва загудели поднимающие якоря лебедки, с Золотой Горы снова просигналили: «Флоту оставаться на месте и ждать адмирала». Делать нечего, и могучие броненосцы остались на месте, ожидая, пока Старк вернется на эскадру. Японцы тем временем приближались, и вскоре можно было различить, что их главные силы состоят из шести броненосцев и пяти броненосных крейсеров, сопровождаемых давешней четверкой бронепалубных. Расстояние было еще никак не менее семидесяти кабельтовых, и казалось, что у адмирала достанет времени вернуться на свой флагман, как вдруг в воздухе раздался незнакомый рев, и между «Петропавловском» и «Полтавой» поднялся столб воды, затем последовал разрыв, и по корпусам русских кораблей зазвенели мелкие осколки.

– Ты посмотри, – воскликнул потрясенно Алеша, – японцы начали бой на такой большой дистанции! Да еще и снаряды у них взрываются от удара о воду! А что же наши?

Увы, артиллерия русских кораблей пока молчала. Довоенные правила требовали, чтобы пристрелку начинали шестидюймовые пушки, и лишь после того как дистанция окончательно нащупана, в дело вступал могущественный главный калибр. Однако для шестидюймовок расстояние было слишком велико, и броненосцы молчали. Первым не выдержал это издевательство великий князь. Пушки его башни были давно заряжены, и, так и не дождавшись приказа, он велел открыть огонь. Первым рывкнуло правое орудие, и огромный трехсоттридцатикилограммовый снаряд полетел к цели. Бой начался. Внимательно следившие за полетом снаряда комендоры доложили:

– Недолет, вашбродь, кабельтовых десять не докинули!

По команде Алеши ствол левого орудия пошел вверх и, приняв необходимую поправку, послал врагу следующий гостинец.

– О, хорошо пошла, – загомонили матросы, но лейтенант уже и сам видел, что всплеск поднялся гораздо ближе к противнику.

¹⁷ Казенное имущество – тогдашний канцеляризм, примерно соответствующий современному «матчасть».

– Развлекаетесь, Алексей Михайлович? – проснулась, наконец, переговорная труба голосом Рыкова. – Оригинальный у вас метод пристрелки!

– Что на дальномере? – не обращая внимания на его слова, закричал в трубу Алеша.

– Шестьдесят восемь кабельтовых.

– И у нас так же! Ну что, стреляем или как?

– Стреляем, но только по команде!

– Есть!

Пять русских броненосцев, выстроившись в кильватерную колонну, двинулись навстречу неприятелю. Адмирал Того, справедливо полагая, что имеет ощутимый численный перевес, круто повернул русским навстречу, чтобы разойтись контргалсами. Расстояние вскоре сократилось, и в бой вступили шестидюймовки. По команде с мостика великий князь перешел на полные залпы и разряжал свои пушки, стараясь бить наверняка. К сожалению, пока поразить врага не удавалось, впрочем, и японские артиллеристы никак не могли пристреляться и постоянно давали перелеты. Тем не менее бой становился все ожесточеннее, а всплески снарядов все ближе. Первым повезло японцам, двенадцатидюймовый снаряд разорвался на броне кормовой башни, не причинив, впрочем, больших повреждений, если не считать того, что все ее обитатели на время оглохли. Алеша, закусив губу, продолжал командовать своими людьми, и капризная фортуна вскоре сжалилась и над ним. Полный залп очень удачно ударил в борт «Сикисимы», и вся корма ее покрылась белым дымом.

– Ура! – заголосили радостно матросы и бросились заряжать свои пушки.

Надо сказать, что зарядить столь большое орудие, как двенадцатидюймовое, совсем не просто. Сначала мощные гидравлические подъемники доставляют из глубин погребов массивные тела снарядов. Затем, сбросив их на специальные лотки, с помощью других механизмов досылают в камеры пушек. Подъемники тем временем не стоят, а поднимают из погребов полузаряды, и досылатели по лоткам отправляют их вслед за снарядами. После этого закрывают массивный затвор и, вращая тугой винт, запирают его. После этого можно целиться и открывать огонь. Поэтому не удивительно, что главный калибр броненосцев может вести огонь не чаще чем раз в две-три минуты.

В бою время тянется иначе, чем в мирной жизни. Хотя на самом деле бой между русской и японской эскадрой длился не более получаса, но Алеше казалось, что прошла вечность. Адмирал Того, убедившись, что хотя часть русских кораблей повреждена, остальные не только не деморализованы, но, напротив, оказывают ожесточенное сопротивление, счел за благо выйти из боя и не испытывать дальше судьбу. Красиво развернувшись, японцы стройной колонной стали быстро удаляться. Адмирал Старк также не горел желанием продолжать бой и повернул эскадру к Порт-Артуру. Незадолго до конца боя, в кормовую часть верхнего каземата¹⁸ «Полтавы» попал восьмидюймовый снаряд, и старший офицер направился туда осмотреть повреждения. Найдя пятидюймовую плиту лопнувшей, он поспешил вернуться для доклада в рубку, где едва не столкнулся с чумазым от порохового дыма, но донельзя довольным великим князем. Не подозревая, что его вызвали для выволочки, Алеша улыбался во весь рот и посторонился, пропуская Лутонина. Тот, войдя первым, собрался было доложить Успенскому о повреждениях, но застыл на полуслове. На траверзе «Полтавы» стоял без движения японский броненосный крейсер, корму которого застилал белый дым. Очевидно, он получил серьезные повреждения в перестрелке и потерял ход. Тем не менее русская эскадра, не обращая внимания на подранка, величаво двигалась к Артуру. Видеть это было выше сил русских офицеров. Неизвестно кто первым сказал: «Добьем!» – но мысль эта пришлась по вкусу всем присутствующим.

¹⁸ Имеется в виду верхний броневой пояс. Во всяком случае, именно так это попадание описывал сам Лутонин.

– Принять восемь румбов вправо, – командовал Успенский, и громада броненосца, вывалившись из строя, решительно двинулась в сторону противника.

Однако адмирал Старк на «Петропавловске» тут же заметил маневр изрядно раздражавшей его в последнее время «Полтавы», и над флагманом немедленно взвился сигнал: «“Полтаве” вступить на свое место»!

– Да что же это такое, – возмутился Лутонин, – неужто не видно, что японец один против всей нашей эскадры, ведь грех не добить!

– Идем дальше, – скупно проронил командир, не выпуская врага из поля зрения.

– Ваше высокоблагородие, – снова подает голос сигнальщик, – так что, на «Петропавловске» снова сигналият «Встать в строй»!

Дважды не выполнить приказ флагмана – это слишком! Все присутствующие понимают это и отводят глаза, ругаясь про себя последними словами.

– Ну уж нет, – пробормотал Успенский, – хоть один залп я по этим сукиным детям, но сделаю!

Как мало нужно, чтобы всеобщее воодушевление сменилось всеобщей апатией! Только что азартно следившие за вражеским кораблем офицеры с досадой отвернулись по сторонам, стараясь не смотреть друг на друга. На сигнальщика, сообщившего о сигнале флагмана, и вовсе глядели как на врага, и тот, будто чувствуя вину, прятал взгляд. Казалось, боевой дух уже совсем упал, но тем неожиданней прозвучала команда:

– Поднять сигнал «Не могу управляться» и «Прошу помощи»!

Поначалу услышавшие ее не поверили своим ушам, но обернувшись к отдавшему приказ, будто попали под действие магнетизма¹⁹ и начали действовать. Сигнальщики послушно набрали сигнал и тут же подняли его на фалах. Офицеры, словно оцепенев, даже не подумали их останавливать, и вскоре адмирал Старк, стоящий на мостике своего флагмана, получил доклад, после чего схватился за левый бок и едва не упал.

Тем временем на японском крейсере, а это был «Ивате», спешно пытались исправить повреждения. Ему действительно угодил в корму двенадцатидюймовый снаряд с «Севастополя» и перебил рулевое управление. К несчастью, перо его руля в этот момент было повернуто направо, и лишенный управления корабль выкатился из строя. Чтобы не попасть под огонь всей русской эскадры, капитан первого ранга Такетоми вынужден был застопорить ход. К счастью, адмирал уже заметил отсутствие в строю одного из своих кораблей и послал ему на помощь два бронепалубника.

– Ничего страшного пока не случилось, – размышлял вслух Такетоми, – сейчас «Касаги» или «Иосино» возьмут меня на буксир, а там и пожар потушим, и рулевое починим. Хвала богам, русские не проявляют к нам интереса.

– Господин капитан первого ранга, – отвлек его от этих мыслей чей-то встревоженный голос, – посмотрите сюда!

Командир повернул голову и с ужасом увидел, что один из русских броненосцев вышел из строя и решительно двинулся в их сторону.

– Проклятье! – только и смог вымолвить он, но тут же бросился к переговорным трубам. – Эй, в машинном, немедленно дайте полный ход!

– Но у нас же рулевое... – попробовал возразить кто-то из офицеров.

– Вы что, хотите, чтобы нас расстреляли без движения? Нет уж, я не согласен! Будем управляться машинами, вертеться волчком на одном месте, но только не давать пристреляться гайдзинам. Старший артиллерист, немедленно открыть огонь!

И снова первыми начали японцы. Кормовая башня «Ивате» развернулась в сторону идущего к ним вражеского корабля и дала залп, легший, впрочем, с большим перелетом. «Пол-

¹⁹ Тогдашнее название гипноза.

тава» не отвечала, очевидно имея намерение подойти как можно ближе и расстрелять их в упор. Описывающий циркуляцию крейсер никак не мог уйти от своего преследователя, но отчаянно пытался отбиться. Наконец на русском броненосце сочли, что дистанция достаточно сократилась, и его пушки загрохотали, поднимая всплески вокруг своей цели. Однако первыми достигли успеха все равно японцы. Летевший с перелетом восьмидюймовый снаряд зацепил край дымовой трубы русского корабля и, с грохотом разорвавшись, осыпал все вокруг себя градом мелких осколков. Ответ последовал незамедлительно, двенадцатидюймовый снаряд, ударив в кормовую боевую рубку крейсера, пробил ее навывлет и, хотя разворотил все внутри неё, улетел дальше, так и не разорвавшись. Помимо этого, стоявшее на крыше рубки 76-мм орудие слетело со своего станка и, описав немыслимую дугу, угодило прямо в 40-футовый баркас и пробило ему днище. После этого попадания следовали одно за другим: шестидюймовый снаряд угодил в небронированную часть борта. Пронизав обшивку крейсера как папиросную бумагу, он ударил по броне траверза и разорвался, без особого, впрочем, вреда. Затем несколько таких же снарядов пробili трубы «Ивате», оставив в них аккуратные отверстия. И наконец, случилось попадание, на которое японцы сразу не обратили внимания. Двенадцатидюймовый снаряд пробил главный броневой пояс крейсера ниже ватерлинии и разорвался в угольной яме, превратив при этом в пыль несколько тонн ее содержимого. Страшного в этом ничего не было, угольные ямы помимо своего основной задачи, традиционно предназначались еще и для защиты от снарядов. Но поминутно получая все новые и новые повреждения, на крейсере не сразу заметили поступление воды из угольной ямы в междудонное пространство.

В этот момент японским морякам удалось невозможное. Ремонтники смогли прорваться в отсек с рулевым механизмом и поставить перо руля прямо. Теперь крейсер мог управляться, и у него появился шанс на спасение. К тому же их артиллеристы наконец пришли в себя и смогли обрушить на русских настоящий шквал огня. Один восьмидюймовый снаряд ударил по носовой башне и, разорвавшись на броне, оставил на ней небольшую выбоину в четверть дюйма глубиной. Впрочем, оглушенной обслуге башни мало не показалось, и темп стрельбы на некоторое время упал. Следующий крупнокалиберный снаряд разорвался на броне пояса, а несколько более мелких превратили верхнюю палубу броненосца в филиал ада на земле. Разрываясь на поручнях, сетках и тому подобных местах, которые русские снаряды даже бы не заметили, они поджигали вокруг все, что могло гореть, а их мелкие осколки целыми роями залетали в амбразуры, дырявили воздухопроводы и заклинивали механизмы. Русская артиллерия отвечала не менее ожесточенно, но начавшие маневрировать японцы сбивали им наводку, впрочем, как и себе. В это время японский бронепалубный крейсер «Касаги» решил отвлечь русский броненосец, попытавшись приблизиться на минный выстрел. Увы, на этот раз капризная богиня удачи была не на японской стороне. Первый же русский снаряд угодил в носовое восьмидюймовое орудие и, разбив его, поджег приготовленные к стрельбе полузаряды. Всю носовую оконечность корабля окутал густой дым, и казалось, его вот-вот постигнет катастрофа. Однако время шло, но ничего не происходило, кроме того что «Касаги» отвернул от оказавшегося таким опасным противником броненосца и поспешил разорвать дистанцию.

Тем не менее японская попытка атаковать на некоторое время отвлекла внимание русских от «Ивате», и изрядно уже пострадавший японский крейсер воспользовался этим, чтобы попытаться уйти. «Полтава» погналась за ним, но безуспешно, и, не желая слишком уж далеко отрываться от своих, прекратила погоню, дав напоследок залп всем бортом по выскользнувшей жертве.

Как ни странно, именно этот последний залп едва не стоил японскому крейсеру жизни. Выпущенный русскими двенадцатидюймовый снаряд попал прямо в кормовую башню «Ивате». Проломив шестидюймовую броню и разломав правое орудие, он остановился в подбашенном пространстве, так, к сожалению, и не разорвавшись. Дело в том, что английские кораблестроители, стремясь максимально облегчить и без того перегруженный артиллерией

корабль, сделали в двухорудийной башне только один подъемник, а чтобы обеспечить приемлемый темп стрельбы, значительную часть боезапаса расположили прямо в башне. Это было отличное решение в плане экономии веса, но отвратительное с точки зрения живучести. К тому же японцы еще более усугубили ситуацию, начиняя свои снаряды не черным порохом, как их английские учителя, а куда более склонной к детонации шимозой²⁰. Увы, русский снаряд не взорвался, иначе этот бой стал бы для японского крейсера последним. Впрочем, неприятности для него не закончились. Крен от поступления воды в междудонное пространство стал уже настолько явным, что на него обратили внимание не только трюмные механики, но и капитан первого ранга Такетоми. После выяснения обстоятельств дела, японский командир не нашел ничего лучшего, как направиться под охраной бронепалубных крейсеров к ближайшим островам, посадить многострадальный корабль на мель и запросить помощи.

Тем временем в рубке «Полтавы», как только схлынула горячка боя, попытались сообщить, что же все-таки произошло.

– Кто приказал поднять сигнал? – спросил подчиненных Успенский тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Увы, ответа на такой простой вопрос ни у кого не было. Сигнальщики, смотря на командира преданными глазами, не могли ответить ничего определенного. Ясно было лишь то, что приказ отдал кто-то из господ офицеров, а кто именно, никто не запомнил. Офицеры также были готовы присягнуть на библии, что сами подобного приказа не отдавали, но в то же время ясно слышали. Старший артиллерист стал припоминать что-то, и тихонько спросил у Лутонина:

– Сергей Иванович, а кто стоял рядом с вами?

По странной случайности в этот момент командир повторил свой вопрос:

– Кто, мать вас растак, приказал поднять сигнал?

– Так Алексей Михайлович... – прозвучал в наступившей тишине ответ старшего офицера.

– Как Алексей Михайлович? Наш Алеша? Великий князь? – загомонили присутствующие.

– Ну да, мы вместе вошли, – не понял сначала Лутонин.

– А где он сейчас?

– Так в башню вернулся, сразу как стрельба началась. Кстати, его башня недурно отстрелялась...

– А позвать сюда его императорское высочество... – с трудом выдохнул Успенский.

Один из матросов сломя голову кинулся исполнять приказ, а старший офицер, подойдя к командиру, тишком шепнул:

– Только, пожалуйста, без августейшей матери.

– Лейтенант Романов по вашему приказанию явился! – в очередной раз отрапортовал великий князь.

– Господин лейтенант, – сухо обратился к нему Успенский, – это вы отдали приказ поднимать сигналы «не могу управляться» и «прошу помощи»?

– Господин капитан первого ранга, – немного растерянно отозвался Алеша, – я не могу отдавать приказы на мостике, я лишь порекомендовал...

– Вы очень вовремя порекомендовали, ваше императорское высочество, – страдальчески проронил командир, – вы так хорошо порекомендовали, что все кинулись исполнять, как будто ждали этой рекомендации всю жизнь!

²⁰ Шимоза – японское название мелинита.

– Что же делать-то теперь, – сокрушенно вздохнул Лутонин, – потопи мы этот проклятый крейсер, никто об этих издевательских сигналах и не вспомнил бы, ибо победителей не судят, а тут что же?

– Так не потопили же, – не менее удрученно отозвался Успенский, – ладно, Алексей Михайлович, ступайте, пока вы еще что-нибудь не порекомендовали.

Великому князю ничего не оставалось делать, как козырнуть, но, уже выходя, он обернулся и неожиданно для всех сказал:

– А вы, как будете докладывать Старку, скажите, что я вам браунингом угрожал, и если станет злиться, напомните, как он августейшего дядю государя императора матом при всем честном народе крыл!

Оставив всех присутствующих в полном недоумении, Алеша покинул мостик и вернулся в ставшую родной башню.

– Так вот он какой, взгляд василиска, – задумчиво проговорил Лутонин.

– Что, простите? – не понял своего старшего офицера командир.

– Ну, как же, господа, припомните, кто был дедом нашего разлюбезного Алексея Михайловича?

– Как кто? Блаженной памяти Николай Павлович!

– Вот-вот, а славился государь-император Николай, помимо всего прочего, тем, что мог всякого человека в ступор вогнать. Да так, что тот после всего и себя не помнил!

– Полно, охота вам, Сергей Иванович, басни Герцена повторять?

– Не скажите, Иван Петрович, не скажите. Я как-то сам видел, как покойный император Александр Миротворец, еще будучи цесаревичем, некоего адмирала чуть в соляной столб не превратил одним взглядом. А государь-то нашему Алеше кузеном доводился!

– Так вы хотите... – начал понимать Успенский.

– Да ничего я не хочу! – разозлился Лутонин. – Просто сами посудите, команду он отдал, и все кинулись выполнять, причем потом никто и не вспомнил, чья команда! А тут еще этот браунинг...

– Хм, а ведь под таким соусом может еще и получиться. Кстати, господа, а кто помнит, за каким нечистым я нашего Алешу в рубку-то вызывал?

– Отчитать хотели, – с постным видом проговорил Рыков, – за самовольное открытие стрельбы.

– Ого, – округлил глаза командир, – а если бы отчитал?

Когда «Полтава» вернулась к эскадре, а рейде Порт-Артура царил подлинный бардак. Броненосцы, неумело маневрируя, сбились в кучу, и все закончилось тем, что «Севастополь» едва не протаранил флагманский «Петропавловск». Впоследствии выяснилось, что повреждения оказались невелики, но в тот момент казалось, будто эскадру преследует злой рок. Адмирал Старк, махнув на все рукой, отправился на доклад к наместнику, и запрос на появившийся броненосец посылал его флаг-капитан Эбергард. Ответный семафор с «Полтавы», который прочитали все, привел эскадру в приподнятое настроение. Действительно, несмотря на повреждения части кораблей и более чем двойное превосходство в силах, русские смогли отразить нападение и тяжело повредить один из кораблей японцев. Если это не успех, то что тогда?

* * *

Драматическое начало войны произвело в порт-артурском обществе эффект разорвавшейся бомбы. Дерзкое нападение японцев, два подорванных броненосца и крейсер, явственные звуки боя на рейде, придали за одну ночь спокойному и даже немного милому городу вид совершенно непривычный и пугающий. Если люди военные в большинстве своем сохранили присутствие духа, то штатских накрыла волна просто невероятной паники. Началось все с

того, что утром не открылись магазины, разносчики не стали разносить продукты, а извозчики и рикши просто попрятались. Обыватели вообразили себе, что японцы с минуты на минуту высалят десант, и кинулись спасать свою жизнь. Китайцы, хорошо помнившие резню, учиненную японцами после прошлого штурма, бросились на пристани, пытаясь занять места в пароходах, джонках и даже шаландах. Русские не отставали от них, но многие прежде попытались снять деньги в банке, но тут их ожидал новый сюрприз. Двери его были закрыты, а на настойчивый стук никто не отзывался. В конце концов, испуганным людям, среди которых преобладали женщины и дети, ничего не оставалось, как направиться на железнодорожную станцию и попытаться покинуть ставший ловушкой город.

Не были исключением и Егоровы. Сам Ефим Иванович, разумеется, не мог оставить службы, но счел своим долгом отправить Капитолину Сергеевну с сыном подальше от театра боевых действий. Именно поэтому почтенное семейство явилось в полном составе на вокзал, желая как можно скорее покинуть Порт-Артур. Людмила Сергеевна, однако, была лишь в качестве провожающей, поскольку прогрессивному учителю стыдно бежать от кого бы то ни было, бросив своих учеников. Первая неожиданность случилась прямо в здании вокзала. Как оказалось, кассы были закрыты и билеты никто не продавал. Вторая заключалась в том, что перрон был переполнен разного рода публикой, которая пыталась штурмом взять отходящий поезд. Впрочем, «публикой» эту толпу назвать было уже сложно. Вчерашние почтенные господа в мгновение ока превратились в каких-то невоспитанных и небрежно одетых личностей. Они шумели, лезли вперед, ругались и расталкивали друг друга локтями, а от многих еще и дурно пахло. Среди этой крикливой толпы совершенно терялись семьи чиновников и офицеров гарнизона, пытавшихся покинуть город.

Ефим Иванович поначалу попытался проложить дорогу в вагон своей семье, но скоро вылетел из толпы пытавшихся уехать людей, потеряв фуражку и с помятыми боками. Растерянно глядя на стоящее в ряд семейство, он пытался что-то сказать, но не находил слов. Вдруг за его спиной какой-то бородатый мужчина в суконной поддевке, стоящий рядом с дамой с испуганным лицом и сбитой набекрень шляпкой, деловито подобрал ее чемодан и как ни в чем не бывало пошел прочь. Все это так поразило Егоровых, что они не сразу сообразили, что даму обокрали.

– Мила, смотри, эти люди похожи на крыс, бегущих с корабля! – воскликнул тоненьким голосом закутанный в башлык Сережа, обращаясь к тетке.

Точность сравнения так поразила взрослых, что они даже не нашли, как ответить десятилетнему мальчику.

– Вот что, Фима, – решительно заявила мадам Егорова, – ты как хочешь, а мы никуда не едем! Почему мы должны куда-то бежать? Нет, я решительно этого не понимаю и никуда не поеду!

– Но, Капочка, – промямлил, пытаясь возразить чиновник, – как же так...

Однако его никто не слушал, а сын бросился целовать мать.

– Людмила Сергеевна, – попытался воззвать он к свояченице, – скажите хоть вы...

– Ефим Иванович, – решительно отвечала она ему, – я совершенно согласна с Капой и Сережей. Война еще только началась, и ни малейшей опасности пока нет.

– Но что же нам делать?

– А давайте отправимся на пристань, – закричал донельзя довольный решением взрослых гимназист. – Наша эскадра сражается с японцами и уже наверняка победила! Пойдемте, мы все узнаем первыми.

– А почему бы и нет, – поддержала предложение сына Капитолина Сергеевна, – вот только заедем домой, оставим багаж, переоденемся, а тогда можно и на пристань.

– Но, мамочка, – начал было канючить Сережа, – тут же совсем недалеко!

– И прежде непременно покушаем, молодой человек! – немедленно пресекла это безобразие мать.

Попасть на пристань в тот же день у них, впрочем, не получилось. Сначала Ефима Ивановича вызвали на службу, затем послышался далекий разрыв залетевшего в город шального снаряда, и Егоровы кинулись прятаться в погреб. Наконец, к вечеру погода ухудшилась, подул ветер и пошел снег, так что идти на пристань стало решительно невозможно. Но едва на следующее утро немного распогодилось, Серёжа буквально потащил семейство в порт.

Город к тому времени пришел в более-менее спокойное состояние. На улицах было много патрулей, следивших за порядком. Всюду были развешаны прокламации с приказом наместника о введении военного положения во Владивостоке и всех местностях, принадлежащих КВЖД, а также осадного положения в Порт-Артуре ввиду появления рядом с ним неприятеля.

Гавань представляла собой не слишком привычное зрелище. Обычно хотя бы часть эскадры находилась на внешнем рейде, а теперь целиком собралась на внутреннем, за исключением подорванного «Ретвизана». Другой пострадавший броненосец, «Цесаревич», уже ввели в «большой ковш», а «Палладу» готовили к постановке в док. Помимо военных кораблей выделялся только что пришедший из Шанхая большой пароход с надписью «Маньчжурия» на борту. Это принадлежащее КВЖД грузопассажирское судно каким-то непонятным чудом прошло мимо японских дозоров²¹ сразу после боя. Всего этого Егоровы, разумеется, не знали, но с любопытством наблюдали пристань, запруженную народом. Преобладали среди него снующие туда-сюда военные моряки, но была и праздная публика, пришедшая, как и они, полюбопытствовать. Несколько раз они даже раскланивались со знакомыми. Пока Капитолина Сергеевна и Ефим Иванович с тревогой наблюдали за развернувшейся перед ними картиной, Сережа с Милой начали свою обычную забаву: высматривать корабли и угадывать их названия. Не то чтобы Людмила Сергеевна сильно интересовалась флотскими делами, но живя в портовом городе, поневоле начнешь разбираться. К тому же ее племянник был просто помешан на боевых кораблях, и дружной с ним тетке не оставалось ничего другого, как соответствовать.

– Мила, смотри, – кричал Сережа, – это «Севастополь»!

– Ну, какой же это «Севастополь»? Посмотри на среднюю трубу²², она ниже прочих, это «Петропавловск»!

– А вот и нет, если бы это был «Петропавловск», на нем был бы флаг командующего эскадрой, а его не видно!

Пока они так развлекались, цепкий взгляд мадам Егоровой нашел в толпе знакомую фигуру, к тому же идущую прямо на них.

– Алексей Михайлович, – громко позвала она пробирающегося сквозь толпу офицера, – добрый день!

Алеша, а это был он, как и все Романовы, имел очень хорошую память на лица и сразу же узнал свою попутчицу.

– Добрый день, господа, – вежливо поклонился он Егоровым.

– Алексей Михайлович, голубчик, – продолжала Капитолина Сергеевна, – может, хоть вы нам расскажете, что случилось? Мы ведь ничего толком не знаем!

– Право, нечего рассказывать, мадам, японцы внезапно напали и подорвали три наших корабля. Потом попытались разбить оставшиеся, но получили отпор и ушли. Мы же, чтобы избежать повторных атак, пока вынуждены находиться во внутреннем рейде.

– Как вы интересно рассказываете, молодой человек, – расцвела в ответ мадам Егорова. – О, позвольте представить вам мою сестру Милу, а это мой сын Сергей, он без ума от флота и мечтает стать морским офицером, да-с!

²¹ В нашей реальности «Маньчжурия» была перехвачена крейсером «Касаги».

²² Строго говоря, это не труба, а вентиляционная мачта, но барышне и гимназисту позволительно не знать этих тонкостей.

– Добрый день, Людмила Сергеевна, – поклонился в ответ узнавший чуть было не похищенную учительницу Алеша.

Надо сказать, что Мила, в отличие от прошлого раза, выглядела гораздо лучше. К тому же предусмотрительная Капитолина Сергеевна настояла, чтобы ее сестра перед походом оделась как можно приличнее. Так что перед лейтенантом предстала весьма привлекательная молодая особа. Шубка ее хотя и была довольно проста, очень выгодно подчеркивала достоинства фигуры, а отороченная лисьим мехом шапочка бесподобно шла к лицу и волосам.

– Здравствуйте, Алексей Михайлович, – немного удивленно отвечала она, тоже узнав молодого человека, и смутилась, припомнив обстоятельства их первой встречи.

– Как, вы знакомы? – воскликнула мадам Егорова, от которой не укрылось смущение сестры.

Людмила не нашлась, что ответить, но молодой человек тут же пришел к ней на помощь:

– Вряд ли эту мимолетную встречу можно назвать знакомством.

– Но когда же это случилось?

– Во время бала у наместника, – пролепетала еще больше смутившаяся девушка.

– Ты была на балу?!

– Ну что ты, нет, конечно!

– Это произошло после того, как я покинул бал, – пояснил Алеша.

– Ах, какая жалость, что мы не встретились с вами на балу, – зашебетала Капитолина Сергеевна. – Вы знаете, наш Сереженька заболел, и я не смогла, а Милочка не захотела оставить нас одних. Ах, она такая внимательная и добрая!

– Действительно, очень жаль, – вежливо отвечал великий князь, – но, к сожалению, мне пора. Честь имею!

Когда лейтенант отошел от них, мадам Егорова решительно обернулась к сестре и со значением в голосе проговорила:

– Мила! Ты немедленно должна мне все рассказать, и будь уверена, ты это сделаешь!

– Право, нечего рассказывать, – попыталась уклониться от ответа сестра. – Мы случайно встретились, и я крайне удивлена, что он вообще запомнил мое имя.

– Удивлена, говоришь? А я вот совершенно уверена, что он не просто запомнил твое имя. Ты, дорогая моя, определенно произвела на него впечатление!

– Ну, что ты выдумываешь, Капа! Он даже не посмотрел в мою сторону.

– Не знаю, не знаю...

– Дамы, а не пора ли нам домой? – робко спросил мало что понявший в разыгравшейся перед ним сцене Ефим Иванович.

Вопрос этот оказался весьма своевременным, и вскоре семейство отправилось к себе на квартиру. Но едва они переступили порог, Сережа снова атаковал тетку:

– Мила, а отчего ты прежде не рассказывала, что знакома с офицером флота?

– О боже, и ты туда же! Да потому, дружок, что тут совсем нечего рассказывать. Ну, встретились, ну, познакомились, что же тут рассказывать?

– Да как же! Это же лейтенант флота! Скажи, а он тебе нравится?

– Сережа, что ты такое говоришь! И ничего он мне не нравится! Да он и не смотрел в мою сторону, чурбан бесчувственный.

– Капочка, – Ефим Иванович попытался привлечь внимание жены, живо интересующейся разговором Сережи с Милой, – посмотри, пожалуйста, на эту фотографию.

– Какую фотографию, Фима?

– Да вот на эту, в газете.

С этими словами чиновник протянул супруге «Новый край», на передовице которого было фото с бала у наместника.

– Тебе не кажется, что наш знакомый очень похож на великого князя?

– Фима, как тебе не стыдно напоминать мне, что ты лишил меня единственного развлечения! К тому же что за странная идея? Великие князья не путешествуют таким образом. Хотя действительно что-то общее есть...

– К тому же его фамилия Романов, и зовут Алексей Михайлович, и здесь написано, что он прибыл инкогнито...

– Мы знакомы с великим князем! – удивленно и одновременно восторженно воскликнул Сережа.

– Нет, это решительно невозможно, – твердо высказала свое мнение Людмила Сергеевна, осмотрев фотографию, – тогда бы унтер в участке обращался бы к нему полным титулом...

– Мила, ты была в участке?!

* * *

Пока семья Егоровых обсуждала своего знакомого, сам Алеша направлялся ко дворцу наместника, куда его вызвали, едва «Полтава» бросила якорь на внутреннем рейде. Командир броненосца Успенский уже успел побывать у Старка и вернулся от адмирала совсем успокоенным. Что именно он рассказал флагману эскадры, никто не знал, поэтому предположения строились иной раз довольно дикие. Сам же виновник переполоха шел туда, где решится его судьба, с истинно римским спокойствием. И дело тут даже не в том, что высокое происхождение внука императора надежно защищало его от гнева любого начальства. Просто молодой человек был так устроен, что если его голову занимала какая-то идея, то ничего другое его просто не трогало. Вот и сейчас возникшая внезапно мысль заполнила великого князя целиком. Все дело в том, что поговорив со всеми доступными ему свидетелями их боя с вражеским крейсером, Алеша пришел к довольно странному выводу: Хотя их снаряды неоднократно поразили японский корабль, больших повреждений ему это, как ни странно, не нанесло. Как одно сочетается с другим, было пока не ясно, но мысль эта неотступно следовала за ним и не давала покоя.

Во дворце наместника в этот момент тоже обсуждали лейтенанта Романова. Командующий эскадрой адмирал Старк в самых решительных выражениях требовал наказания или хотя бы удаления несносного офицера с вверенной ему эскадры. Алексеев же был настроен несколько иначе, хотя и не одобрял, разумеется, разнузданного поведения великого князя.

– Любезнейший, Оскар Викторович, – мягко выговаривал он Старку, – я прекрасно понимаю и целиком и полностью разделяю ваше негодование, однако хочу заметить, что все не так плохо. Точнее, все очень плохо, но, как ни странно, поведение Алексея Михайловича привело и к положительным результатам.

– Боюсь, я вас не понимаю, – буркнул в ответ адмирал.

– Так я вам растолкую, – ничуть не обескураженно продолжал наместник. – Судите сами. Японцы, напав на наш флот, повредили три лучших корабля, так?

– Так, – с тяжелым вздохом согласился тот.

– Еще два корабля блокированы в Чемульпо, так? Причем у меня на их счет весьма нехорошие предчувствия.

– Чемульпо – нейтральный порт, ваше высокопревосходительство.

– Не надо повторять мне мои же слова. К сожалению, японцы продемонстрировали нам, как они придерживаются международных норм.

– Это все так, но я не понимаю...

– Терпение, Оскар Викторович, терпение! И среди всех этих неприятностей единственный положительный момент, если не считать прибытия «Маньчжурии», это бой «Полтавы» с японским крейсером. Ах, если бы они его еще и потопили, то лучшего желать просто нельзя.

Вступить в бой с превосходящими силами вероломного врага и отогнать, нанеся ему потери... Да-с! Но и так совсем неплохо.

– Но непростительное поведение великого князя...

– Ваше превосходительство, а была бы вся эта история, если бы не «непростительное поведение великого князя»? Мы-то с вами оба знаем, что нет!

– Тем не менее я настаиваю, чтобы в Петербург доложили о возмутительных поступках!

– Позволю спросить, обо всех возмутительных поступках, или о каких-то прикажете умолчать?

– Я не понимаю...

– Да что же здесь непонятного? Я спрашиваю, докладывать ли о том, как ваше превосходительство крыло по матери члена августейшей фамилии? Великий князь Михаил Николаевич, полагаю, узнает о сем происшествии с любопытством. С крайним любопытством, я бы сказал!

– Но что же делать?

– Делать надо было, когда «Полтава» в атаку на японца пошла. Поддержки вы ее тогда – сейчас бы героем были. Да-с! А что до молодого человека, то мы, очевидно, напрасно назначили его на броненосец. Таких даровитых офицеров надобно держать под присмотром, лучше всего в штабе.

– Увольте, ваше высокопревосходительство, он же башибузук какой-то! Да я его боюсь просто...

Алексеев с любопытством рассматривал разволновавшегося адмирала. «А мысль-то недурна», – подумал он, но вслух сказал другое:

– Ну, зачем же к вам? Назначим-ка его к Гreve. Работы в порту много. Найдется, куда молодую энергию девать, а корабли маленькие, с ними много не напортачишь.

– Как будет угодно вашему высокопревосходительству!

Провожая взглядом фигуру выходящего адмирала, наместник в первый раз пожалел, что вместо беспокойного и инициативного Скрыдлова вытребовал в начальники эскадры послушного Старка. В мирное время он был, безусловно, удобен, но войны с таким пожалуй что и не выиграешь.

– Его императорское высочество великий князь Алексей Михайлович, – объявил заглянувший адъютант. – Прикажете принять?

– Принять? – переспросил Алексеев. – Пожалуй, нет. Скажите великому князю, что я теперь занят, и вручите предписание. Пусть послужит пока, а там поглядим, может, еще и на эскадру. Надо же кому-то этого пентюха в спину толкать!

* * *

Перевод на берег хоть был и неприятен, был все же воспринят Алешей стоически. Вполне понимая, что если в Петербург доложат обо всех обстоятельствах дела, его могут и отозвать, он и не подумал возражать. Напротив, немедленно направившись в порт, он доложил адмиралу и стал ожидать распоряжений.

Сказать, что адмирал Николай Романович Гreve крайне удивился подобному назначению, значит ничего не сказать. Об эксцентричности великого князя, несмотря на краткость его пребывания в Порт-Артуре, стали ходить самые дикие слухи, и получить такого подчиненного было не самым приятным сюрпризом. Тем не менее он радушно принял молодого человека и старался быть любезным до приторности.

– Рад видеть в вашем лице, ваше императорское высочество, нового сотрудника и надеюсь на плодотворную совместную службу!

Алеша с готовностью выразил полное согласие с новым начальником, а Гreve продолжал:

– Работы в порту крайне много, и весьма ответственной! Взять хотя бы разгрузку «Маньчжурии», так удачно прорвавшейся к нам. На ней множество ценнейших грузов, при том что документы оформлены донельзя небрежно! Нет, не пугайтесь, столь ответственной работой я вас не нагружу. Вы, Алексей Михайлович, имеете сегодня время для устройства личных дел, а завтра направитесь на суда, занимающиеся минными постановками. Командиры там опытные, дело свое хорошо знают, а вам полезно будет опыта набраться.

Немного подивившемуся расстановке адмиральских приоритетов великому князю ничего не оставалось, как откозырять и отправиться заниматься «личными делами». Расставание с «Полтавой» прошло на редкость душевно и волнующе. После боя с японскими крейсерами, за броненосцем закрепилась репутация «лихого корабля», и все от командира до последнего трюмного механика прекрасно знали, кому обязаны этой славой. К тому же вежливый и деликатный, но при этом хорошо знающий свое дело Алеша пришелся по сердцу сослуживцам. Господа офицеры вышли провожать его в полном составе и преподнесли на память фотографию броненосца в красивой рамке, изготовленной местным умельцем. Матросы-артиллеристы, в свою очередь, подарили недолго покомандовавшему ими лейтенанту икону с изображением покровителя моряков Николы Мокрого. Растрогавшийся великий князь тепло попрощался со всеми и в сопровождении верного Архипыча отправился на берег.

Дома его ожидал еще один сюрприз: наконец-таки прибыл столь задержавшийся вагон-салон с остальной прислугой и личными вещами. Впрочем, великий князь не пожелал покидать понравившуюся ему квартиру и остался жить в доме, снятом для него Прохором. Тем более что после приезда остальных слуг комфорт в нем только увеличился. На слугах стоит остановиться подробнее. С Прохором и Архипычем мы уже знакомы, а кроме них в штате были еще повар Федор Михайлович, лакей Семен и двенадцатилетний сын повара, ранее бывший на побегушках, а ныне исправляющий должность кофишенка, Ванька. Надо сказать, что необходимым для столь ответственной должности знаниями и умениями мальчишка не обладал. Однако оставшегося после смерти матери сорванца девать было некуда, и сердобольный великий князь принял его на службу, повелев учить.

Впервые за долгое время ужин Алексея Михайловича проходил в строгом соответствии с этикетом. Сам великий князь сидел за столом, и Прохор ему прислуживал, Федор Михайлович приносил уже приготовленные блюда из кухни, а Ванька был на подхвате. Кейко была тут же и ждала, когда господин насытится и ему можно будет подавать чай. Кофишенк поначалу ревниво воспринял подобную смену вкусов хозяином, но получив подзатыльник от отца, возмущаться более не стал.

– Как тебе живется, Кейко, тебя не обижают? – спросил у девушки Алеша.

Ответом ему были почтительный поклон и милая улыбка восточной красавицы.

– Чего изволите? – переспросил не расслышавший господина Прохор.

– Да вот, спрашиваю у нашей хозяйки, не обижаете ли вы ее.

– Что вы, Алексей Михайлович, как можно-с! – сделал строгие глаза камер-лакей, про себя подумавший: «Обидишь ее, как же!»

– Ну, вот и славно, – благодушно отвечал великий князь, – а что в городе, все спокойно?

– Да как же спокойно, ваше императорское... поначалу просто Содом и Гоморра творились. Люди перепугались, бегали как ошпаренные, потом как японцы стали с пушек бомбы кидать, попрятались, конечно...

– Что, и сюда снаряды долетали?

– Так только сюда и долетали, в Новый город, рассказывают, ни одна бомба не прилетела, все сюда. Купцу здешнему Тифонтаю, прямо в сад угодила, да одну фанзу под Перепелиной горой разбило, вместе с китайцами, там жительствовавшими. Ужас просто!

– А потом?

– А что потом? Китайцы, у кого деньги есть, кинулись в порт да давай на суда грузиться, чтобы, значит, бежать отсюда. Ну, а наш брат – россияне, те поначалу тоже пужались, а потом по винным лавкам кинулись. Сами, поди, знаете наш обычай, хоть с горя, хоть с радости, а надо выпить!

– Что-то я пьяных не видал.

– Так то поначалу, а потом армейские патрули выставили, так попрятались. Ну, а те, что не успели, стало быть, уже в участках. Так что теперь все спокойно и хорошо...

– Ну, раз все хорошо, так давайте ложиться спать. Мне завтра на службу рано.

– Как вам будет угодно-с.

Так уж заведено во дворцах, что слуги могут поесть, лишь когда угомонятся их хозяева. Где бы ни жил до сих пор наш великий князь, правило это неукоснительно соблюдалось, поскольку и Прохор и Архипыч полагали его правильным, а потому бдительно следили за выполнением. Поскольку сам Алеша был в пище весьма умерен, а наготовил Федор Михайлович от души, то стол ломился от яств. Когда все уже собрались, а повар взялся за графинчик с водкой, старый матрос решительно сказал:

– Надо бы Кейку кликнуть, а то не по-христиански.

– Вот еще, – немедленно в пику ему отозвался Прохор, – она же язычница!

– Язычница не язычница, а его высочеству вместе с нами служит, значит наша. Эй, Ваньша, ну-ка метнись за девкой!

Кофишенк не понаслышке знавший, что Архипыч возражений не терпит и скор на расправу, тут же, не чинясь, кинулся исполнять распоряжение и вскоре привел семенящую девушку. Та сразу поняла, что от нее хотят, и, поблагодарив поклоном, тут же присела с краешку.

– Ну, теперь можно, – удовлетворился старый матрос и, подняв стопку, с чувством произнес: – Давайте выпьем за то, что все пока благополучно. Все добрались, все живы-здоровы, и за то, чтобы и дальше так было!

Все присутствующие, кроме Ваньки и девушки, чинно выпили и взялись за еду. Некоторое время ели молча, но когда первый голод утих, Прохор, довольно улыбаясь, проговорил, обращаясь к повару:

– Эх, где только столоваться не приходилось, а лучше тебя, Федор, никто не готовит!

– Это верно, – поддержал его Архипыч, – Федька свое дело знает! Одначе надобно это дело попридержать. Я говорю, роскошествовать поменее!

– Чего это, – отозвался с набитым ртом лакей, – али тебе больше всех хозяйское добро жалко? Я чаю, не обеднеют!

– Дурак ты, Семка! – не раздумывая, отвечал ему старик. – Жизни не нюхал, а туда же! Оно, конечно, на харче великих князей не разоришь, а только понимать надобно, что вокруг война и Артур, стало быть, уже на осадном положении! А ну как осада и впрямь начнется?

– И чего? Ну, чуть дороже будет, делов-то!

– Сказано дурак! Это хорошо, если чуть дороже, а ежели совсем ничего, ни за какие деньги не будет?

– Это как?

– А вот так! Хлебнешь тогда с шила патоки, так увидишь.

– А ведь Архипыч дело говорит, – поддержал старика обычно не встречающий в разговоры повар. – Запас-то у нас и впрямь не велик.

– И что же делать будем? – осознал проблему Прохор.

– Ну, как чего, перво-наперво прикупим какой ни есть провизии, что храниться может. Консервов там всяких, круп, сала... за деньгами-то ты у нас следишь, вот и расстарайся.

– Свинью надо купить, – задумчиво произнес Федор Михайлович, глядя на своих собеседников.

– Какую еще свинью?

– Пожирнее, чтобы засолить можно было. Если и впрямь прижмет, то и солонина за венскую ветчину пойдет.

– Ну, уж нет, – возразил с брезгливой физиономией лакей, – я в мясники не нанимался!

– А тебя никто и не заставляет, – усмехнулся Архипыч, – раз город на осадном положении, то скоро всем статским лбы забреют. Возраст у тебя подходящий, пойдешь в армию, а там тебя ротный командир накормит.

– Это как же, – чуть не поперхнулся Семен, – нет такого закона, чтобы людей хватать, да на службу! Нешто Алексей Михалыч не заступится?

– Может, и заступится, – не стал разубеждать лакея старый матрос, – а может, иконой благословит вместо матушки с батюшкой, дескать, послужи царю и отечеству. Ему вон и икону подарили давеча.

– Вот злой ты человек, Архипыч! – разразился бранью лакей. – Злой да завистливый, сам всю жизнь положил на военной службе, и других туда загнать хочешь!

– Цыть, тля худая! – сдвинул брови старик, но разволновавшийся Семен его уже не слушал, а, вскочив, выбежал из людской.

– А сейчас-то покушать можно? – жалобно спросил недоуменно глядевший на перепалку кофишенк.

– Кушай, Ваньша, кушай, покуда есть что, наедай шею, как у быка... хвост! – усмехнувшись, разрешил ему старый матрос и обернулся к Кейко: – И ты, девонька, ешь, не стесняйся. Вон какая худая, сразу видать, отчего не замужем. Ты на нас не смотри, это мы еще не брались, это мы так – ласково.

Китаянка, разумеется, ничего не поняла из разговоров русских слуг, и лишь застенчиво улыбалась, когда к ней обращались.

Утром великий князь, наскоро позавтракав, отправился на службу в самом радужном расположении чувств, но едва переступил порог, на него обрушились плохие известия. Во-первых, были получены, наконец, новости о блокированных в Чемульпо русских судах. По словам зашедшего в Порт-Артур капитана английского парохода, японская эскадра вызвала их на бой, который завершился полной победой Страны восходящего солнца. «Варяг» был потоплен, а «Кореец» взорвался от попадания в артиллерийский погреб. Большинство русских моряков погибло. Впоследствии, правда, оказалось, что информация англичанина была не слишком точной, но тогда произвела гнетущее впечатление. Алеша тоже очень расстроился от полученных известий. Гибель сразу двух кораблей была сама по себе большим несчастьем, но к тому же великий князь хорошо знал командира «Варяга», Всеволода Федоровича Руднева. Сойдясь на почве любви к маркам, они долго состояли в переписке, и Алеша надеялся, прибыв на Дальний Восток, возобновить знакомство и даже, может быть, чем черт не шутит, выменять у Руднева вожака «Голубого Маврикия».

К сожалению, это тяжелое известие было не единственным. Казалось, злой рок продолжает преследовать русскую эскадру. Отправленный на постановку мин к Талиенвану минный транспорт «Енисей» подорвался на собственной мине и вскоре затонул. Как это могло случиться, было решительно непонятно, поскольку его командир капитан второго ранга Степанов был одним из опытейших минеров нашего флота. К тому же с берега сообщили, что слышали ожесточенную перестрелку, и предположили, что на «Енисей» напали японцы. Адмирал Старк немедленно послал туда крейсер «Боярин» и четыре миноносца, но никаких известий пока не было.

Все минные постановки были немедленно прекращены, а проводившие их суда вернулись в порт. Заняться великому князю было решительно нечем, он, крайне переживая, что не смог отправиться в спасательную экспедицию на «Боярине», с тревогой ожидал новостей. Увы, беда не приходит одна, и к вечеру сообщили, что посланный на помощь крейсер также

подорвался на своем же минном заграждении. Кроме того, пришли подробности о катастрофе на «Енисее». После того как случился взрыв, его командир Степанов отдал приказ экипажу спасаться, сам лично проследил, чтобы все заняли места в шлюпках, после чего остался на тонущем корабле. Его пытались увести с судна силой, но он вынул револьвер и приказал оставить его в покое. На «Боярине» картина была несколько иной. После подрыва, от которого погибло более десяти человек, крейсер погрузился по самые иллюминаторы. Попытка подвести пластырь ни к чему не привела, и командовавший кораблем Сарычев приказал команде эвакуироваться. Экипаж оставил судно в полном порядке, последним с него сошел сам командир. Эта история вызвала известный резонанс в офицерской среде. По крайней мере, в управлении порта все только и обсуждали поступки Степанова и Сарычева, до хрипоты споря, кто поступил более правильно. В большинстве все сходились, что Сарычев абсолютно прав, что не стал жертвовать собой вместе с погибающим кораблем. И, разумеется, никто и не подумал упрекнуть в трусости получившего Георгиевский крест за Таку командира «Боярина».

– А что вы думаете, Алексей Михайлович? – обратился к великому князю кто-то из спорщиков.

– Трудно сказать, господа, – замялся тот в ответ, – все обстоятельства дела еще неизвестны, но в любом случае я полагаю, что для русского офицера более прилична смерть в бою, нежели от собственной руки. Кстати, а вы не знаете, скоро ли затонул «Боярин»?

– Очевидно, в самом скором времени, – отозвался спрашивавший, – взрыв мины – это не шутка.

Увы, на следующий день пришло известие, что спорщики и сам капитан второго ранга Сарычев ошиблись. Подорванный крейсер и не думал тонуть. Как доложили наблюдавшие его с берега, «Боярина» носило течением по всей бухте, но пока он оставался на плаву и погружаться в пучину вод не собирался. Оставшийся на ночь в управлении и потому получивший это известие первым Алеша кинулся к Греве, требуя немедленно организовать спасательную экспедицию. Адмирал с минуту поразмыслил и, велев подать себе экипаж, отправился к наместнику согласовать действия. Определенный резон в данном поступке был. Имеющимися у начальника порта средствами вполне можно было спасти крейсер, но только при отсутствии противодействия японцев. Если рядом окажется даже занюханный миноносец или канонерка, то отбиться им будет весьма проблематично. Дать прикрытие спасателям мог только Старк, а поскольку он без совета с Алексеевым ничего не предпринимал, то вполне логично было первым отправиться к нему. Увы, даже такой хитрый маневр не привел к ускорению дела. Просоветовавшись целый день, адмиралы лишь к вечеру постановили наутро направить на поиски и спасение «Боярина» миноносцы «Выносливый» и «Грозовой». Принятое решение привело великого князя в отчаяние. Зимой совсем не редки были ветра, которые вполне могли увлечь незнамо куда многострадальный крейсер. Нельзя было терять ни секунды, но, к сожалению, сделать ничего было нельзя. В черной меланхолии вышел Алеша из здания Управления и направился к пристани. Там постоянно шла какая-нибудь суeta, и он надеялся хоть немного развеяться.

– Лейтенант, у вас такой вид, будто вы бабушку похоронили! – вывел его из прострации чей-то громкий голос.

Обернувшись, великий князь с изумлением увидел гору, одетую в форму офицера флота. Если бы он послужил в Порт-Артуре немного дольше, то непременно узнал своего собеседника, но пока лишь смотрел на того с видом крайнего удивления.

– Лейтенант Балк Второй, Сергей Захарович, – между тем представился ему великан, – а вы, я полагаю, великий князь Алексей Михайлович?

– Точно так, – изумленно отвечал ему Алеша, – я, кажется, что-то слышал о вас...

– Если что-то хорошее, то врут, – улыбнулся в бороду Балк, – а вот если что дурное, то чистая правда!

– Забавно.

– Ничего забавного, Алексей Михайлович, ну если не считать того, что вы лишили меня репутации.

– Каким образом? – удивлению великого князя не было предела.

– Очень просто, ваше императорское высочество, – невозмутимо отвечал тот, – раньше я был главным возмутителем спокойствия на эскадре, отчего, собственно, меня и сослали на буксир, а теперь им стали – вы! И боюсь, я никогда не смогу превзойти вас, поскольку не имею обыкновения пугать начальство браунингом.

Заявив это, огромный лейтенант отрывисто захохотал. Алеша, сперва решивший, что говорит с сумасшедшим, вскоре переменил мнение и присоединился, поскольку смех его был уж очень заразителен. Надобно сказать, что говоря о своей репутации, лейтенант Балк нисколько не погрешил против истины. Не то что на эскадре, а во всем русском флоте вряд ли был более недисциплинированный, но вместе с тем и лихой офицер. Немало помучившееся с ним начальство сочло за благо отправить его командовать портовым буксиром и совершенно неожиданно не прогадало. «Силач» – так называлось суденышко, куда сослали опального офицера – приобрел знающего и лихого командира, умеющего творить чудеса. Какой бы шторм ни бушевал в море, какой бы ветер ни валял утлый буксир, не было еще случая, чтобы он не смог выполнить свою работу. В любое время дня и ночи таскавший по акватории порта огромные корабли и маленькие шаланды портовый буксир был настоящим тружеником, и таким же тружеником был его командир.

– Так что у вас приключилось? – снова повторил он вопрос.

– У меня ничего, а вот флот наш скоро потеряет крейсер, – сумрачно проговорил Алеша.

– Вы про «Боярина»? – помрачнел Балк. – Как же, слышал... Сарычев сволочь, бросил корабль!

– Но говорят, что он... – неуверенно протянул великий князь.

– Георгиевский кавалер? – закончил за него великан. – Должен вас разочаровать, среди кавалеров тоже случаются сволочи!

– Но что же делать, барометр падает, и бог знает, что может произойти завтра!

Балк на секунду задумался, а потом улыбнулся так, что всякому хоть немного знавшему его стало бы страшно.

– А вы знаете, Алексей Михайлович, кажется, я знаю, что делать... Скажите, браунинг у вас с собой?

Утро застало «Силача» подходящим к Талиенванской бухте. Балк и великий князь, как два заговорщика, стояли рядом у фальшборта, напряженно оглядываясь по сторонам. Положение взявшихся за поиск пропавшего крейсера осложнялось тем, что никто точно не знал, где покойный Степанов выставил заграждение. Несмотря на малую осадку, «Силач» вполне мог налететь на мину, сорванную с якоря.

– Стоп машина! – зычно крикнул командир, заметив в воде что-то подозрительное.

– Есть стоп машина, – немедленно отозвались в ходовой рубке.

– Плавающая мина прямо по курсу, – определил, наконец, опасность Балк.

– И еще одна, на правом крамболе, – добавил великий князь.

– Доброе утро, господа, – поприветствовал всех только что поднявшийся на палубу мичман Якубовский и тут же, переменившись в лице, встревоженно спросил: – А мы где?

– Довольно странный вопрос для штурмана, – пробасил в ответ командир, направляясь в ходовую рубку.

– В Талиенванской бухте, – вежливо пояснил мичману Алеша.

– «Боярина» ищем? – в глазах Якубовского мелькнуло понимание. – Странно, что Сергей Захарович не сообщил мне сразу о получении приказа. Кстати, а где сопровождение?

– Э, видите ли, уважаемый...

– Александр Антонович.

– Очень приятно. Алексей Михайлович, – закончил церемонию знакомства великий князь, и офицеры обменялись рукопожатием. – Так вот, некоторым образом, приказа у нас нет.

– Ничего себе, – округлил глаза мичман, – я, конечно, пока с Балком служу, ко всякому привык... Погодите, вы ведь не просто Алексей Михайлович, а великий князь?

– Виновен, – вздохнул в ответ Алеша.

– Замечательно! А в кармане у вас браунинг.

– Господа, а что здесь происходит? – с такими словами к ним присоединился только что поднявшийся корабельный врач Августовский.

– О, ничего страшного, Николай Иосифович, – с нескрываемой иронией воскликнул Якубовский, – просто наш «Силач» захвачен!

– Кем, простите, захвачен?

– Так вот же, прошу любить и жаловать, его императорское высочество великий князь Алексей Михайлович!

– Черт знает что такое! – страдальчески поморщился доктор, не приняв шуток мичмана. – Мне на берег нужно, за лекарствами! Я ведь докладывал...

– Ничего не могу поделать, как Малеева отозвали в экипаж, наш голиаф совершенно распоясался.

Пока они так мило беседовали, Балк, сам вставший за штурвал, аккуратно провел свое утлое суденышко мимо рогатой смерти и вернулся на палубу.

– Вот что, господа, – тоном, не терпящим возражений, заявил он собравшимся, – сейчас ищем «Боярина». Как вернемся в Порт-Артур, можете на меня жаловаться хоть наместнику, хоть господу богу, а теперь извольте выполнять!

– Пожаловаться, конечно, можно, – поморщился Августовский, – только какой в этом прок?

– Вот и славно, команда, кроме занятых на вахте, имеет время завтракать!

– Есть! – козырнул Якубовский.

Сам командир спустаться в салон не стал, а приказал подать себе и своему гостю чаю наверх. Наскоро перекусив, они продолжили наблюдение, и вскоре их усилия увенчались успехом. У южной оконечности острова Саншантао сиротливо качался на волнах пропавший крейсер. Балк снова сам встал к штурвалу и виртуозно подвинтил «Силача» к бывшему еще совсем недавно красой и гордостью тихоокеанской эскадры «Боярину». Едва были заведены швартовочные концы, великий князь сделал попытку подняться на борт, но командир буксира бесцеремонно остановил его.

– Ваше императорское высочество, – безапелляционно заявил он Алеше, – извольте оставаться на корабле и в случае чего принять командование. И попрошу глазами не зыркать, я вам не Успенский!

Великий князь попробовал было возразить, но Балк был неумолим. Взяв с собой пару самых расторопных матросов, лейтенант отправился на осмотр терпящего бедствие судна. Отсутствовал он не слишком долго, но Алеше это время показалось вечностью. Наконец, изрядно повеселевший великан вернулся и довольно заявил:

– Все нормально! Пробоина в районе миделя под средней кочегаркой. Задраено все надежно, и пластырь подведен. Голову бы Сарычеву оторвать за такие дела!

– Что будем делать? – вздохнув с облегчением, спросил великий князь.

– А что тут сделаешь, – пожал плечами командир буксира. – Сейчас зацепим, да и оттащим подальше от мин. Потом отведем в Дальний и там воду откачаем. Ну, и взыскание получим, как же без него. Только бы наши желтолицые друзья не появились и всю малину нам не испортили.

– Надо орудия зарядить, – решительно заявил Алеша, – на всякий случай!

– Ну, не знаю, у меня комендоров нет.

– А я на что?

Крыть было нечем, и Балк скрепя сердце выделил великому князю двух матросов, с которыми тот и перешел на крейсер. Быстро осмотрев пушки и найдя их в полной исправности, Алеша велел раздирать кранцы первых выстрелов. Боеприпасы также были на месте, так что появилась надежда если не отбиться, то хотя бы отпугнуть не слишком мощного врага. Тем временем «Силач» начал потихоньку буксировать крейсер к ближайшему порту.

Когда наши войска заняли Порт-Артур и правительство объявило его главной военно-морской базой на русском Дальнем Востоке, было решено, что он будет закрытым для иностранцев городом, а чтобы не страдала торговля, для иноземных коммерсантов выстроят другой порт. Сказано – сделано, и вскоре на месте китайской деревушки у бухты Талиенван возник новый город, названный русскими Дальний. Как это обычно бывает в России, строгость законов компенсировалась необязательностью их исполнения. Иноземные негодянты, впрочем как и русские, продолжали пользоваться Порт-Артуром, а стоивший почти двадцать миллионов Дальний простаивал. Может быть, поэтому злые языки и прозвали этот город «Лишний». Тем не менее талиенванская бухта была очень удобна, как и большие пирсы и огромные склады.

Когда «Силач» дотащил, наконец, многострадальный крейсер до места назначения, погода изрядно испортилась. Еще недавно спокойное, море ощутимо штормило, а порывистый ветер швырял в лица вахтенных снежную крупу. Как бы то ни было, в бухте «Боярин» был в безопасности, и даже если бы что-нибудь приключилось, то поднять его было бы не сложно. Буквально через час после этого в бухту, страдая от качки, вошли два эсминца – «Выносливый» и «Грозовой». Посланные на поиски крейсера, они, разумеется, ничего не нашли и, застигнутые непогодой, предпочли укрыться от нее в Дальнем. Сказать, что командовавший экспедицией капитан первого ранга Матусевич был удивлен, значило не сказать ничего. Первой его реакцией был безудержный гнев, и потому он немедленно потребовал от командира буксира прибыть для объяснений. Впрочем, когда перед ним помимо Балка появился еще и великий князь, командир отряда миноносцев, хотя и с трудом, но сумел сдержаться.

– Ваше императорское высочество, – начал он, стараясь подбирать слова, – что это все означает?

– Я полагаю, что полный успех порученной вам спасательной экспедиции, – бесхитростно ответил ему Алеша.

– Да вы что, издеваетесь? – выпучил глаза Матусевич.

– Никоим образом, – преданно глядя в глаза, сообщил Балк, – вы здесь, крейсер тоже здесь...

– Любопытно, – задумчиво проговорил только что гневавшийся начальник, – похоже, что ни малейшего раскаяния вы не чувствуете.

– За что? За то, что спасли крейсер?

После этих слов Матусевич задумался. Хотя самоуправство было налицо, также было совершенно очевидно, что без него крейсер не успели бы привести в гавань. Что могло произойти с лишенным команды кораблем, было одному богу известно. К тому же быстроходных крейсеров второго ранга в Порт-Артуре было только два. Не считать же за таковые древние клипера и «Забияку». Так что подрыв на mine «Боярина» был чувствительной потерей.

– Эх, Алексей Михайлович, Алексей Михайлович, – сокрушенно посетовал капитан первого ранга, – ну ладно Балк, но вы-то куда? Ладно, ступайте, пусть с вами Старк с заместителем разбираются, кто кого на эту авантюру уговорил!

Оба лейтенанта синхронно, будто тренировались, отдали честь и собрались выйти, но перед тем Матусевич остановил Алешу.

– Ваше императорское высочество, – негромко сказал он ему, – ваша привычка чуть что хвататься за браунинг стала уже притчей во языцех, вы бы хоть приобрели таковой, что ли?

Через два дня шторм утих. На ожившем крейсере появилась доставленная поездом команда. Поскольку командир и старший офицер крейсера были отданы под суд, возглавлял ее минный офицер лейтенант Никитин. Осушив затопленные отсеки и подкрепив пластырь, они приготовили «Боярин» к переходу в Порт-Артур. Сопровождать крейсер должны были миноносцы и «Силач». В связи с отсутствием командира, на него перешел Матусевич, приказавший великому князю следовать за собой. Не то чтобы Алеша попал под арест, но, видимо, многоопытный офицер опасался, что он еще что-нибудь выкинет, и старался держать при себе.

Возвращение в Порт-Артур обернулось подлинным триумфом. Хотя все знали, что экспедиция по спасению крейсера увенчалась успехом, но знать – это одно, а увидеть собственными глазами – совсем другое. Первыми крейсер приветствовали дежурные миноносцы и «Ретвизан», продолжавший оставаться на внешнем рейде. Хотя его пока не удавалось разгрузить и ввести в гавань, командование решило извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Окружив броненосец двойным кольцом противоминных сетей, его превратили таким образом в неприступную для вражеских минных судов крепость. Хорошо вооруженный корабль стал одним из узлов обороны и вместе с береговыми батареями и канонерскими лодками надежно охранял вход в бухту от посягательств противника. Обменявшись сигналами с «Ретвизаном», крейсер вошел во внутренний бассейн. Здесь его ждал не менее теплый прием. Хотя официальных распоряжений на этот счет не было, матросы и офицеры русских кораблей высыпали на палубы, крича при этом «ура» и бросая вверх фуражки и бескозырки. Всеобщее воодушевление охватило русскую эскадру, и даже кислая физиономия Старка не могла испортить людям праздник. Умнее всех в данной ситуации поступил наместник. Опытный бюрократ и царедворец недолго думая направил в Петербург депешу, в которой представил спасение «Боярина» как большой успех, и, в общем, был недалек от истины. Особо была выражена благодарность отличившимся. Более всех отличились, разумеется, сам Евгений Иванович, а также адмиралы Старк и Гreve, как разработавшие и с блеском воплотившие в жизнь совершенно великолепный план. Исполнители также не были обойдены, Алексеев с удовольствием доносил, что капитан первого ранга Матусевич и командиры миноносцев с честью выполнили свой долг. Не забыли и нижестоящих участников: скупомечалась расторопность экипажа буксира «Силач» и временно прикомандированного к нему великого князя Алексея Михайловича.

Сам виновник переполоха не обратил на неудовольствия начальства ни малейшего внимания. Спасение крейсера само по себе казалось Алеше достаточной наградой, и чувство собственной причастности к такому лихому и в высшей степени полезному делу согревало душу. Его непосредственный начальник, адмирал Гreve, сообразил наконец, что оставлять такого деятельного молодого человека, как лейтенант Романов, без порученного ему дела есть верный способ нажать себе неприятностей в формуляр. Посему встретив своего подчиненного и ни словом не обмолвившись о спасательной эпопее, он дал Алексею Михайловичу очень ответственное поручение.

Как оказалось после разгрузки «Маньчжурии», среди ее грузов помимо снарядов для эскадры, консервов для гарнизона, огромного количества разнообразных материалов для ремонтных мастерских, двух десятков комплектов телеграфных станций, находился еще и воздухоплавательный парк. Если с телеграфными станциями дела обстояли более-менее понятно, то о воздушных шарах этого сказать было нельзя. Несмотря на то что опыты по их использованию проводились уже довольно много лет, ни специалистов, ни просто энтузиастов воздухоплавательного дела в Порт-Артуре не было. Наверное, именно поэтому многомудрое начальство рассудило за благо взвалить эту ношу на крепкие плечи лейтенанта Романова.

Тот, верный своим принципам, и не подумал отказываться и с энтузиазмом принялся за выполнение поручения. Увы, все, что удалось сделать великому князю в первый день, это убе-

диться в том, что груз действительно существует. Несколько больших ящиков были, не мудрствуя лукаво, выгружены прямо на пристань, где и находились под охраной часовых. На вопрос, отчего казенное имущество хранится столь небрежно, портовый чиновник честно ответил, что все складские помещения заняты другими грузами и более он ничем помочь не может. Делать было нечего, убедившись, что по крайней мере внешне все в порядке, великий князь задумался. Отступать было не в его характере, но средств выполнить приказ он пока не видел. В конце концов, решив, что утро вечера мудренее, изрядно проголодавшийся молодой человек отправился домой.

В маленьком доме с загнутыми вверх концами черепичной крыши возвращение блудного лейтенанта встретили с ликованием.

– Ваше императорское высочество, Алексей Михайлович, да как же так! – восклицал преданный Прохор. – Мы уж и не чаяли вас живым увидеть.

– Ну-ну, пустое, – отмахнулся от его назойливости Алеша, – дома-то все благополучно?

– Да что мы, вы-то как?

– Говорю же, все хорошо. А где Кейко?

Маленькая китаянка, будто услышав его вопрос, тут же вышла и склонилась в почтительном поклоне. Молодой человек с удовольствием остановил взор на ее хрупкой фигурке и сложной прическе с венчающим большим черепаховым гребнем. Лицо ее было совершенно бесстрастно, но ему все же показалось, будто в уголках глаз девушки мелькнули радостные искры.

– Да вот она, чего ей сделается-то, – встретил ее появление бурчанием Прохор.

– Хорошо, сейчас ванну, затем ужинать и спать. Кстати, а где Архипыч?

– Да здесь я, – отозвался только что зашедший старик, – пока вы «Боярина» спасали, мы тут тоже делом занимались.

– Подожди, – изумился камер-лакей. – Это что же, ты знал, где Алексей Михайлович, а нам ничего не сказал?

– Мы, флотские, все знаем, – отрезал старый матрос, – а вам, штафиркам, это и вовсе не обязательно!

– Ладно-ладно вам, – усмехнулся Алеша, – а что за дело-то?

– Харч закупали, а то мало ли, осадят япошки, так что – с голоду подыхать?

– Свиныю они купили, – мстительно заявил Прохор.

– Была свинья, а стала свинина! – не остался в долгу Архипыч. – Как осада начнется, еще спасибо скажешь, дармод!

«А мысль-то о закупке провианта, право, недурна. Надо бы и крепостному начальству обеспокоиться», – подумал великий князь, но вслух сказал:

– А что, воздухоплателей там, на рынке, случайно не продавали? А то у меня в них нужда, а не в свинине.

Смутить каким-либо вопросом, пусть даже донельзя странным, Архипыча было нельзя.

– Воздухоплатели по небесному ведомству проходят, – не раздумывая ответил он, – коли в них нужда, так и идите к архиерею! Заодно на почтамт зайдите и телеграмму батюшке отбейте, а то их императорское высочество гневаются, что давно не пишете. Депешу вот прислали, пожалуйста прочитайте.

Кровь хлынула молодому человеку в голову, действительно, за всеми делами он забросил писать письма родным и даже не телеграфировал отцу о приезде в Порт-Артур.

– Как же так, – удрученно воскликнул он, откладывая телеграмму, – и не напомнил никто!

Устыдившись своей невнимательности к престарелому отцу, Алеша, засыпая, твердо решил, что поутру направится на почтамт. Утро, впрочем, внесло в его планы некоторые коррективы. Едва проснувшись, великий князь услышал явственные разрывы крупнокалиберных

снарядов. Вскочив как ошпаренный и наскоро одевшись, он попытался узнать, что происходит, но Архипыч с олимпийским спокойствием сообщил ему, что «японец через Ляотешань стреляет».

– И что, часто стреляет?

– Да почитай каждый день, как вы уехали. Но бестолково стреляют, без наводки, на кого бог пошлет. Завтракать-то будете?

После завтрака Алеша взял в руки портфель с прихваченными со службы бумагами и удивленно уставился на замок. Он точно помнил, что закрывал его, однако документы выпали из него, разлетевшись по всей комнате. Все присутствующие, включая великого князя, кинулись их собирать, мешая друг другу, и так случилось, что он нечаянно столкнулся головой с Кейко.

– Ой, Ареса... – воскликнула она от неожиданности.

– Прости, пожалуйста, – извинился тот, глядя в глаза китаянки.

Но девушка уже поднялась и с поклоном подавала ему поднятые с пола листы. Немного досадуя на свою неловкость, Алеша принял бумаги, и в этот момент их глаза встретились. Кейко, стрельнув в его сторону глазами, вдруг прыснула от смеха и прикрыла рот ладонью. Великий князь тоже не удержался, затем к ним присоединился Ванька, и вскоре все весело смеялось над этим происшествием. Разве что Прохор остался серьезным и только покачал головой, дескать, вот шустрая девка, но никто на него не обратил никакого внимания.

Придя на телеграф, Алексей Михайлович застал прелюбопытную картину. Посреди зала весьма колоритный офицер, заросший черной густой бородой, оживленно жестикулируя, громко разговаривал с его старым знакомым Ефимом Ивановичем Егоровым.

– Дорогой мой, – почти кричал офицер, – я тебе как другу говорю, как брату! Эту телеграмму нужно отправить как можно скорее! Ты меня понимаешь?

В голосе его явно слышался кавказский акцент, а Алеша, детство которого прошло на Кавказе, питал симпатию к тамошним уроженцам и подошел поближе.

– Не могу, господин ротмистр, никак не могу, – пытался увещевать кавказца чиновник, – приказ наместника, не принимать никаких телеграмм без особого на то позволения.

– Послушай, дорогой, ты что думаешь, я шпион? Нет, я не шпион, а вот тебя арестовать за шпионаж могу. Ты знаешь, кто я такой?

– Что здесь происходит, господа? – осведомился великий князь, подходя ближе.

– Алексей Михайлович, – обрадовался знакомому лицу Ефим Иванович, – ну хоть вы скажите этому господину, что нельзя без разрешения наместника.

– Простите, с кем имею честь?

– Князь Микеладзе! – представился с вызовом в голосе ротмистр. – Начальник здешней жандармской команды.

– Великий князь Алексей Михайлович, – наклонил в ответ голову Алеша. – Странно, князь, что вас не знают местные чиновники.

– Прошу прощения, ваше императорское высочество, – вытянулся Микеладзе, – но я только что прибыл со своими людьми. Надо вот телеграмму отбить о прибытии, а тут...

– Даже не знаю, чем вам помочь. Очевидно, все же надо взять разрешение в штабе наместника. Дурацкая ситуация, вам по службе надо проверять этих несчастных телеграфистов, а не склонять к нарушению приказа.

– Пожалуй, – мотнул головой жандарм, – а где штаб? Я прежде не бывал в Порт-Артуре.

– Пожалуй, я вас провожу, мне тоже нужен телеграф.

Ефим Иванович и раньше догадывался, кем на самом деле является его знакомый офицер, но теперь, убедившись в своей правоте, стоял практически по стойке смирно. «Практически», потому что вид у чиновника при этом был крайне забавный.

– Чем могу служить вашему императорскому высочеству? – гаркнул он, выпятив живот и преданно глядя в глаза лейтенанту.

– Мне нужно отправить телеграмму, господин Егоров, – вежливо отвечал ему Алеша. – Но, увы, я тоже ничего не знал о запрете.

– Весьма сожалею, ваше императорское высочество, – согнулся тот в почтительном поклоне.

– Ничего страшного, я вернусь позже.

За этими маневрами с презрительной миной на лице наблюдал молодой человек в куртке телеграфиста. Забыв, что только что едва не прятался от жандарма, он осуждающе смотрел, как суетится его начальник. Когда великий князь и жандарм вышли, он не выдержал и, подойдя к Егорову, назидательно заявил:

– Русскому интеллигенту должно быть стыдно так преклоняться перед властями предрешающими!

Выйдя из телеграфа и собираясь кликнуть рикшу, Алеша неожиданно увидел настоящего извозчика-лихача в лаковой пролетке на резиновом ходу. Надо сказать, что извозчиков в Порт-Артуре и прежде было немного, а после начала войны они и вовсе куда-то все подевались. Увидев офицера флота, тот тут же тронул поводьями и буквально вылетел перед великим князем.

– Куда изволите, ваше благородие? – обратился он к нему, игнорируя стоящего рядом Микеладзе.

– К наместнику, – решительно ответил ему Алеша, сядя в пролетку, и тут же обернулся к ротмистру: – Князь, вы со мной?

Жандарм, готовый вскипеть от подобного невнимания к своей персоне со стороны извозчика, удивленно уставился на великого князя. Однако тот, очевидно, не испытывал, подобно большинству своих сослуживцев, ни малейшей неприязни к людям в голубых мундирах.

– Да, конечно, если вы не против, – забормотал Микеладзе, – вот только людям своим отдам распоряжения...

Наконец все дела были улажены, и они заняли места на сиденьях. Извозчик взмахнул кнутом, и экипаж двинулся в сторону дворца наместника.

– Давно в Маньчжурии? – поинтересовался у попутчика Алеша.

– Что вы, только что из России прибыли. Не думал, не гадал, что придется здесь побывать, а вы?

– Тоже нет, можно сказать перед самой войной приехал. А на Кавказе давно были?

– Очень давно, дорогой Алексей Михайлович, – сокрушенно вздохнул грузинский князь. – Скоро совсем забуду, как горы выглядят.

– Не думаю, в крайнем случае посмотрите на эту, кажется, ее все называют Перепелиной, а вон там – Большое Орлиное Гнездо.

– Вах, разве это горы? Нет, лучше нашего Кавказа ничего нет!

– Согласен, – улыбнулся на его горячность великий князь.

– А у вас знакомые китайцы есть? – неожиданно спросил его жандарм.

– Боюсь, что нет, разве что служанка, а вам зачем?

– Да понимаете, никто из команды, как на грех, не знает ни китайского, ни японского языка. Начальство сказала, «на месте найдете», а в Мукдене и Харбине та же история. Случись надобность допросить кого... Впрочем, вам это неинтересно.

– Право, не знаю, чем вам помочь, – пожал он плечами. – Я сам со своей Кейко по-английски говорю.

– Кейко – это ваша служанка? – оживился Микеладзе. – Скажите, а у нее ноги перевязаны?

– В каком смысле?

– Ну как же, китайцы полагают, что главное достоинство женщины заключается в чрезвычайно маленькой ступне, для чего начинают перевязывать их девочкам еще в младенческом возрасте. Оттого они и ходят как на копытцах.

Алеша, немного забывший нравы кавказских мужчин и их жгучий интерес к прекрасному полу, уже досадовал, что вообще упомянул о маленькой китаянке.

– Боюсь, в этом деле ваши познания глубже моих, – вежливо отвечал он своему собеседнику. – Впрочем, кажется, вы правы, ножка у Кейко весьма миниатюрна. Кстати, мы приехали.

Выйдя из коляски, жандарм горячо поблагодарил своего нового знакомого за помощь, и расстались они вполне по-приятельски. Руки друг другу, правда, не пожимали²³.

Зайдя к наместнику, великий князь едва не столкнулся с командующим эскадрой адмиралом Старком. Тот вышел от Алексеева в крайне расстроенных чувствах и, скользнув по всем присутствующим невидящими глазами, почти выбежал прочь, едва не забыв палаш. Заметив Алешу, адъютант тут же доложил своему начальнику и немедленно пригласил того зайти.

– Здравствуйте, Алексей Михайлович, а я вас ждал, – неожиданно радушно принял его наместник.

– Здравия желаю вашему высокопревосходительству, – удивился молодой человек, – ждали?

– Ну, вы же по службе пришли, я слышал, вас Гreve совсем задвинул...

– Вовсе нет, я хотел отправить телеграмму отцу, а ее не принимают без вашего разрешения...

– Вот как, – немного растерялся наместник, – прошу прощения, право неудобно получилось, вам немедленно выдадут необходимое свидетельство. Кланяйтесь Михаилу Николаевичу.

– Благодарю, непременно.

– Так, а как же ваша служба, не надо ли чем помочь?

– Все хорошо, – отозвался Алеша, – вот разве что...

– Что?

– Порученный мне воздухоплавательный парк хранится в полном небрежении в порту. К тому же людей совсем нет.

– Действительно непорядок, – поморщился Алексеев, – парк этот немалых денег стоит. А людей возьмите сколько надо, я распоряжусь.

– Благодарю, – наклонил голову лейтенант.

– Старка видели? – наклонился к нему наместник. – Переживает! Только что сообщили, что государь назначил нового командующего флотом.

– Вот как, и кого же?

– Макарова, уже выехал из Петербурга.

– Степана Осиповича?

– Да-с, его. Вы знакомы?

– К сожалению, нет.

– Вот и познакомьтесь. А знаете что? На кой черт вам эти воздушные шары! Хотите к нему в штаб?

– Почел бы за честь, но, право, предпочел бы назначение на боевой корабль.

– О, будьте покойны, в штабе Макарова на берегу не посидите! Правда, он весьма своенроен и штаб себе сам набирает, но я могу составить протекцию. Так хотите?

– Прошу прощения, ваше высокопревосходительство, а что с «Боярином»?

– А что с «Боярином»? Вот выйдет из дока «Паллада», поставим на ее место, да и залагаем с божьей помощью. Пойдите, хотите на крейсер?

– Если на то будет ваше благорасположение.

²³ Офицеры армии и флота в России не подавали руку жандармам.

– Ну, что же, можно подумать и о «Боярине», на нем некомплект. Сарычева, кстати, завтра судить будут. Новый старший офицер тоже еще не прибыл... Хорошо, я подумаю.

– Благодарю.

– Не стоит, занимайтесь пока вашими шарами, а к окончанию ремонта, полагаю, все и решится.

* * *

Вернувшись домой, Ефим Иванович подал пальто прислуге и зябко потер замершие руки.

– Ты не поверишь, Капочка, кто сегодня заходил отдать телеграмму.

– Ты так говоришь, как будто это был сам наместник, – пожал плечами Капитолина Сергеевна, подставляя щеку для поцелуя.

– Бери выше, дорогая, к нам заходил сам великий князь Алексей Михайлович! И помнишь, что я тебе говорил? Наш знакомый лейтенант Романов и великий князь – одно и то же лицо!

– Не может быть! – воскликнули в один голос Капитолина и Людмила Сергеевны.

– Еще как может! – с победным видом воскликнул чиновник. – Я сам слышал, как его титуловал жандарм. Ты знаешь, Капа, а ведь я не принял сразу его телеграмму. Да-с! Ничего не поделаешь, приказ наместника. Но представляешь, Алексей Михайлович и не подумал возмущаться или грозить, как тот жандарм, а поехал к наместнику и получил разрешение. И даже сказал мне: «Дура лекс – сэд лекс!»²⁴ Это по латыни означает...

– Это означает, Фима, что ты круглый дурак! – всплеснула руками его супруга. – Только раньше об этом знала лишь я, а теперь это известно еще и великому князю! Мила, ты слышала, что он натворил? Представляешь, просто какой-то социалист-народник! Телеграмму у великого князя не принял.

Но Людмила Сергеевна совершенно не слушала, как сестра пилит своего мужа. Ей почему-то показалось очень достойным поведение великого князя, не ставшего требовать для себя привилегий. Впрочем, прогрессивной барышне, какой, без сомнения, она была, не пристало долго думать о властях предрежащих и в особенности о членах императорской фамилии. Так что Мила попыталась прогнать от себя эти мысли и отправилась проверять, как ее племянник сделал уроки.

* * *

– Ознакомьтесь, Оскар Викторович, – протянул недавно полученную депешу наместник. – Вам будет очень любопытно.

– А что это? – почтительно принял документ Старк.

– Наградные списки за бой двадцать седьмого января.

– Однако! Я ожидал их не ранее марта.

– Вы читайте-читайте, там за еще одно дело награды.

– Какое дело?

– Спасение «Боярина».

Лицо Старка неуловимо изменилось, и он сразу перешел к концу.

– Капитану первого ранга Матусевичу – орден Святой Анны... лейтенанту Балку Второму – орден Святого Георгия четвертой степени, лейтенанту великому князю Романову орден

²⁴ Закон суров, но он закон (*лат.*).

Святого Станислава с мечами и бантом третьего класса... Довольно щедро для той реляции, что мы составили.

– Алексею Михайловичу еще за бой на «Полтаве» клякву²⁵ на кортик и по совокупности заслуг чин капитана второго ранга²⁶ за отличие.

– Это невозможно!

– Еще как возможно, ваше превосходительство!

– Но реляции...

– Как выяснилось, любезнейший Оскар Викторович, теперь имеют значение не только реляции, но и газетные публикации. Простите за каламбур!

– Простите, не понимаю.

– Я сам не очень понимаю, но мне тут друзья приватно сообщили следующее: некий журналист Ножин отправил в столичные газеты статью, в коей в красках живописал геройство нашего великого князя и... скажем так, скудоумие высшего командования, сиречь нас с вами. Каково?

– Но как подобные вещи пропустили в печать?

– Хитер собака! Как разъяснили мне друзья, цензоры увидели, что члена императорской фамилии превозносят, читать до конца и не стали. А теперь в полном недоумении находятся, ведь не запретишь. Так что наш Алексей Михайлович в петербургских салонах теперь весьма популярен. Как же, герой! Кстати, а вы не знаете, кто этот Ножин?

– Не имею ни малейшего представления.

– Ну, ничего, сыщем. У нас теперь, слава богу, и жандармы свои имеются, найдут!

– Говорил я вам, ваше высокопревосходительство, – удрученно проговорил Старк, – не надобно великого князя на «Боярина» назначать...

– А ведь он теперь на крейсере самый старший в чине, – сообразил наместник, – и вправду неладно получилось.

– Мне доложили, что «Новик» заканчивает ремонт. Кого ставим следующим?

– Пожалуй, «Палладу»!

– Все же для противодействия вражеским миноносцам предпочтительнее легкие крейсера...

– «Паллада» – крейсер первого ранга, так что приказываю первой ремонтировать ее.

Пока их превосходительства раздумывали над кознями неведомого журналиста, наш герой осматривал японский брандер, выкинувшийся на берег минувшей ночью. Судьба его недавно вновь описала невероятный кульбит и вернула из порта на боевой корабль. Ну, или почти вернула, ибо крейсер «Боярин», к которому он был прикомандирован, был сильно поврежден. Разумеется, будь свободен док, починка его не заняла бы много времени, но, увы, в нем стоял поврежденный во время боя с японцами «Новик». Чинили его не слишком надрываясь, хотя Эссен прилагал все усилия, чтобы поторопить ремонтников. Пока же многомудрое начальство рассудило за благо снять с поврежденного крейсера орудия, для устройства так называемой кинжальной батареи. Будь у «Боярина» командир, он, возможно, сумел бы отстоять свой корабль, но невезучий крейсер находился в совершенно невероятном для Российского Императорского флота состоянии. Командир его бывший, капитан второго ранга Сарычев, был осужден по делу «о преждевременном оставлении судна, едва не приведшем к его гибели». Суд довольно сурово обошелся с ним, приговорив к расстрелянию, замененному по военному времени разжалованием в нижние чины. Подобная строгость произвела в офицерском сообществе небывалый резонанс, и охотников возглавить оставшийся без командира корабль не

²⁵ Кляква – жаргонное название первой боевой награды офицера, ордена Святой Анны четвертой степени. Носилась на темляке палаша или кортика.

²⁶ В то время в Табели о рангах отсутствовали звания старшего лейтенанта, капитан-лейтенанта и капитана третьего ранга.

находилась. Возможно, полагали его проклятым. Назначенный из Петербурга новый старший офицер лейтенант Семенов еще не прибыл, и должность его исправлял минный офицер лейтенант Никитин. Алеша же получил под свою команду артиллеристов и четыре снятых с крейсера 120-мм пушки, из которых и была составлена «кинжальная» батарея. Именно ее орудия сыграли главную роль в отражении японской атаки, и теперь хотел посмотреть на дело своих рук.

Брандер представлял собой обычный пароход, груженный балластом. Если бы японцам удалось затопить его на проходе, русская эскадра была бы совершенно заперта на внутреннем рейде. Однако правильно организованная оборона из превращенного в непотопляемый форт «Ретвизана», береговых батарей, канонерок и миноносцев не оставила противнику ни единого шанса.

До брандера великого князя и десятков вооруженных матросов доставил моторный катер с «Боярина», называемый по артурской традиции «Боярчиком». Поднявшись на борт, Алеша приступил к осмотру повреждений, а его матросы рассыпались по судну в надежде найти что-нибудь интересное. Как ни странно, урон, понесенный брандером от артиллерийского огня, был крайне невелик. Русские снаряды оставили в его бортах аккуратные отверстия, по размерам которых было нетрудно определить автора попаданий. Чуть побольше – от шестидюймовок «Ретвизана», чуть поменьше – от пушек, снятых с «Боярина», одно самое большое несомненно принадлежало десятидюймовкам «Электрического утеса». Общим у них было одно – совершенно ничтожное воздействие на вражеский пароход. Но если в отношении береговых орудий, стрелявших практически²⁷ снарядами, это было понятно, то слабость морской артиллерии вызывала недоумение. Осмотрев все найденные им повреждения и некоторые из них зарисовав, лейтенант приказал своим архаровцам собираться. Те, как по команде, потащили неизвестно где найденное на вражеском корабле имущество: посуду, постельные принадлежности, фонари, стальные перлины и бог знает что еще.

– Вашбродь, а давайте пушку снимем, – обратился к Алеше один из подчиненных.

– Что за пушку? – заинтересовался тот.

– Да вот же, – показал матрос на стоявшее на мостике автоматическое орудие Норденфельдта. – Давайте снимем да на «Боярчика» поставим.

Пройти мимо такой диковины ни один нормальный артиллерист не смог бы, и лейтенант тут же согласился. Матросы бросили таскать свою добычу и все вместе навалились на диковинную пушку. Быстро открутив гайки с анкером, крепящих тумбу орудия к палубе, они сняли и поволокли свою добычу к катеру. Наконец все было погружено и можно было отчаливать, но внимательный Алеша обнаружил отсутствие одного из подчиненных.

– А где Никодимов?

– Где-то тут был... да вот же он!

– Вашбродь, – обратился к офицеру пропавший было матрос, – так что, там японец в трюме!

– Живой?

– Ага, так точно, живой еще. Офицер ихний.

– Тогда тащите его сюда, смотри, если и впрямь офицер, представлю к кресту!

– Рад стараться! Как будет угодно вашему императорскому высочеству!

– Да я-то тут при чем, – поморщился не любивший официального титулования лейтенант, – так в статусе знака отличия военного ордена написано: взял в плен офицера – достоин креста. А ты его считай что в плен взял, так что если не получишь креста, можешь даже в суд обратиться.

²⁷ Практические – то есть учебные снаряды. По воспоминаниям участников обороны, в первых боях огонь велся именно такими боеприпасами.

Матросы, возможно впервые в жизни услышавшие, что закон выше воли начальства, недоверчиво переглянулись и кинулись за японцем. Не прошло и нескольких минут, как они вернулись, таща на себе раненого, находящегося в бессознательном состоянии. Как только его переправили на борт, мотор катера заурчал, и тот шустро побежал на внутренний рейд, к родному крейсеру.

* * *

– Доброе утро, Алексей Михайлович, – поприветствовал великого князя лейтенант Никитин с борта «Боярина», – я смотрю, удачно сходили?

– Более чем, Дмитрий Васильевич, – довольно отвечал ему Алеша, – и японца нашли, и пушку сняли, и матросы наши всяким барахлом разжились. Я боялся, что они мне катер потопят.

– Японца?

– Да, раненого. Надо бы ему помощь оказать да в госпиталь отправить.

– Ну, за этим дело не станет.

– Что с «Новика» слышно? – обратился великий князь к минеру, когда закончилась выгрузка.

– С «Новиком» все хорошо, – пожал плечами лейтенант, – вот только после него в док поставят «Палладу».

– Как это возможно?

– Ничего не поделаешь, приказ наместника, плетью обуха не перешибёшь, – философски заметил Никитин.

– Это смотря какой, – не согласился с ним Алеша.

– Как прошла ночь? – попытался перевести разговор на другую тему минер.

– Сами, небось, слышали нашу стрельбу.

– Спать хотите?

– Если честно, – сделал мечтательное лицо великий князь, – ужасно!

– Так и отправляйтесь, на батарее днем Берг и один справится.

Однако отправиться спать у Алеши не получилось. К борту крейсера подошел «Силач», и стоящий на мостике Балк дурашливо проорал в его сторону:

– Здравия желаю вашему высокоблагородию!

– Что за шутки, Сережа? – удивился коротко сошедший с командиром буксира после их последней авантюры великий князь.

– Никаких шуток, мон шер, – усмехнулся в бороду гигант, – только что объявили высочайшее повеление. Вся эскадра гудит, обсуждая награды, только вы ничего не знаете.

– Награды?

– Точно так, дружище. Государь наш за сражение 27 января щедр был невероятно. Особенно «Полтаве» досталось, а вы, ваше императорское, как раз там и были и даже, кажется, в кого-то попали, а злые языки говорят, кого-то браунингом пугали. Так что с вас причитается! Кстати, с меня тоже.

– За бой с японцами?

– Берите выше, за спасение «Боярина». Прошу любить и жаловать, я теперь георгиевский кавалер, а вы, мон шер, помимо второго ранга еще клякву и Станислава с мечами заполучили. Не вижу повода не выпить!

Услышав о наградах, стоящий рядом Никитин заметно помрачнел. Балк, обратив внимание на его состояние, посочувствовал:

– Не журитесь, Дмитрий Васильевич, будут кресты и на вашу долю!

– Ваши бы слова, да богу в уши, Сергей Захарович, а то мне иногда кажется, что мы до конца войны в ремонте стоим.

– Что, «Паллада» док заняла? – правильно все понял Балк. – Послушайте, может, вам кессон сделать?

– Кессон?

– Ну, а что, «Боевого» давеча чуть не разрезало другим миноносцем, слава богу успел к «Полтаве» подойти, так там помощь оказали. Ничего, кессон уже сделали – чинят. С Гreve вы, полагаю, о материалах договоритесь, попросите по старой дружбе мастеровых у Успенского, да и сделаете. А я вам с установкой пособлю.

– А ведь мысль, право, недурна, – воскликнул с воодушевлением Никитин, но тут же сник: – Только качество будет соответствующее. А для нас обводы важны.

– Как знаете, господа. Так что, гуляем? Учтите, Алексей Михайлович, отказа я не приму!

– Кто бы сомневался, – усмехнулся Алеша, – ну, коли выхода никакого нет, то гуляем.

– В «Ласточке»?

– Может, лучше у меня? – поморщился великий князь. – Заодно офицеров с «Боярина» пригласим.

– Возражений нет! Командуйте своим камер-лакеям, чтобы готовились к пирушке.

Вечером в доме великого князя был накрыт великолепный стол. Федор Михайлович превзошел самого себя, и запах от приготовленных им блюд сводил с ума. Прохор, Семен и Ванька в дворцовых ливреях играли роль официантов, а Архипыч занял боевую позицию у ледника, приготовившись подавать напитки. Алеша пригласил всех свободных от вахты офицеров «Боярина», но прийти смогли только три мичмана и младший судовой механик Орлов. Остальные были заняты службой. Никитин не без иронии ответил на приглашение, что отпустить старшего офицера на берег может только командир, а вот командира-то у них и нет, Балк в свою очередь захватил с собой уже знакомых ему мичмана Якубовского и доктора Августовского. Так что компания подобралась, может, и небольшая, но душевная.

– Ну что, господа, – взял слово первым командир «Силача», – давайте поздравим нашего гостеприимного хозяина с первой боевой наградой и со следующим чином. Дай бог, как говорится, не в последний раз!

С этими словами виновнику торжества был поднесен полный бокал шампанского, на дне которого лежали звезды, только что вынутые из эполет, преподнесенных в дар офицерами «Боярина». Алеша, как полагалось по обычаю, выпил содержимое залпом и, задержав в зубах звездочки, выложил их тут же на эполеты.

– Господа офицеры! – громко провозгласил великий князь. – Представляюсь вам по поводу присвоения очередного звания. Аминь!

При первых его словах присутствующие дружно встали, держа в руках бокалы, и немного замешкались. Дело в том, что по обычаю ответ должен был держать самый старший офицер из присутствующих, но таким сейчас был сам Алеша. Однако хитрый Балк, как оказалось, все предусмотрел и незаметно подтолкнул вперед Августовского. Доктор, имевший классный чин надворного советника, нимало не конфузясь, поднял бокал и провозгласил:

– Нашего полку прибыло, господа, прошу любить и жаловать!

Собравшиеся дружно выпили, после чего растроганный Алеша тепло всех поблагодарил.

– Чудесное «Клико», – проговорил Августовский, смакуя вино, – право, не думал, что в нашей дыре можно достать такое.

– Старые запасы, Николай Иосифович, – улыбнулся великий князь, – сам я не большой любитель возлияний, но для гостей небольшой погребок есть.

– И правильно делаете, молодой человек, – похвалил его доктор, – умеренность – самый короткий путь к здоровью и долголетию. Кстати, а ведь и у нас есть презент для вашего императорского высочества!

– Презент?

– Ну, да, так сказать, от экипажа «Силача» на память о знакомстве! Благоволите принять.

С этими словами Августовский протянул Алеше небольшую, сделанную в китайском стиле шкатулку. Тот с благодарностью принял ее и хотел было отдать Прохору, но доктор остановил его.

– А открыть? Просим, Алексей Михайлович!

Раскрыв шкатулку, великий князь посмотрел в нее с некоторым недоумением. В отделанной ярко-красным шелком коробке, блестя воронением, лежал аккуратный бельгийский браунинг. На одной из щечек рукояти была выгравирована дарственная надпись: «ВК Алексею Михайловичу в ознаменование чудесного спасения крейсера “Боярин” на долгую память». Увидев, что именно подарено Алеше, присутствующие разразились довольным смехом и потребовали еще шампанского, каковое было немедленно разлито.

Воздав должное кулинарным талантам Федора Михайловича, гости пришли в благодушное настроение.

– Право, господа, – мечтательно проговорил штурман крейсера мичман Безкровный, – здесь не хватает только дам!

– Чудесная мысль, – поддержал его слова Якубовский, – но, полагаю, это досадное недоумение легко можно исправить. Заведение мамы Фуань совсем недалеко, ведь так?

– Давайте, молодые люди, я лучше расскажу вам, – благодушно заявил на это доктор, – о профилактике венерических заболеваний. Ей-богу, от этого будет больше пользы.

– Ах, Николай Иосифович, – вздохнул Якубовский, – вы, как всякий доктор, циник и совершенно лишены чувства прекрасного!

– Поверьте, дорогой мой Александр Антонович, в твердом шанкре ничего прекрасного нет!

– Фу, как вам не совестно говорить такие вещи за столом!

В этот момент внимание присутствующих привлекла Кейко, грациозно проскользнувшая в столовую и с поклоном предложившая присутствующим чай.

– О, я вижу, уважаемому хозяину дома нет никакой надобности посещать мамашу Фуань, – засмеялся Балк, – посмотрите, какой дивный цветок украшает эту оранжерею!

– Прекрати, Сергей Захарович, – немного смутился Алеша, – эта милая девушка всего лишь служанка.

– Да уж я вижу, что не дворник! – под всеобщий смех отвечал тот ему.

– Не смущайтесь, Алексей Михайлович, – усмехнулся Августовский, – вам все равно никто не поверит. Даже зная вашу непревзойденную скромность. Точнее, благодаря ей.

– А чай не дурен, – пробасил Балк, попробовав принесенное девушкой угощение, – ей-богу, не хуже водки. Право, если у хозяина нет на эту красавицу видов, то я на ней женюсь! Может, пить брошу.

Заявление командира «Силача» было встречено всеобщим смехом, но еще больший смех вызвала реакция китайки. Лукаво улыбнувшись, она сделала шаг за спину великого князя и, прыснув от смеха, выпалила:

– Моя Ареса рюбить!

Сказав это, девушка выбежала вон, оставив Алешу красным от смущения, а его гостей донельзя довольными.

Вечер, несмотря на отсутствие дам, прошел очень весело и непринужденно. Еще раз поздравив виновников торжества, гости разошлись, причем если Балк и Августовский отправились на корабль, то молодые офицеры решили-таки навестить заведение неподалеку. Новопеченный капитан второго ранга, проводив гостей, направился к себе и, сев на кресло, прикрыл глаза. Слова Кейко до крайности смутили его, но вместе с тем были невообразимо приятны. Выпитое вино немного будоражило кровь, и он даже не сразу сообразил, что это были

первые слышанные им слова, сказанные миниатюрной китайкой по-русски. Рядом послышался какой-то шорох, и Алеша открыл глаза. Рядом с ним стояла Кейко с немного странным выражением на лице. Он хотел было что-то спросить у нее, но девушка решительно приложила к его губам палец, не дав сказать ни слова. Затем она задула свечу, и комната погрузилась в темноту.

Проснувшись поутру, он долго не мог понять, не приснился ли ему вчерашний день. Награждение, производство в следующий чин, гости и... Кейко. Встав, Алеша с удовольствием умылся, затем Прохор побрил его. Съев под ворчание Архипыча завтрак, он попросил чаю. Кейко с всегдашней бесстрастной улыбкой подала ему ароматный напиток и поклонилась. Великий князь еще раз усомнился в реальности вчерашнего дня, но новенькие эполеты на мундире красноречиво намекали, что это не сон. Впрочем, долго раздумывать было некогда, капитана второго ранга Романова ждала служба.

Едва наш герой ступил на палубу «Боярина», исправлявший должность старшего офицера лейтенант Никитин подошел к нему с докладом. С удивлением приняв его, великий князь шепнул минеру:

– Вы чего это, Дмитрий Васильевич?

– Ну, во-первых, вы, Алексей Михайлович, нынче старший по званию на нашем богом спасаемом крейсере, а во-вторых, благоволите... – с этими словами Никитин протянул Алеше приказ.

Тот взял в руки бумагу и, прочитав, с крайним недоумением переспросил:

– Что значит «исправлять должность командира»?

– Что поделаешь, я не выплавал ценз, чтобы быть полноценным старшим офицером, а вы – чтобы быть командиром крейсера.

– Да, – согласился Алеша, – с цензом у меня плоховато.

– Зато энергии в избытке, и, судя по всему, начальство полагает, что лучшего применения ей не найти.

– И что же делать?

– Как это что? Принимайте «Боярина», впрочем, вы и так его у Нептуна практически отвоевали. Вполне можете истребовать у казны двадцать пять процентов его цены, как за ничейное имущество.

– Иронизируете?

– Ну, а что мне остается? Вот прибудет настоящий старший офицер, и я сдам ему должность, став настоящим минером.

Высказав это, Никитин дважды подчеркнул слово «настоящий», как бы намекая, что великому князю таковым никогда не бывать. Услышав слова лейтенанта, с которым у него еще вчера были приятельские отношения, Алеша вспыхнул и, не отвечая, приложил руку к козырьку. Минер также отдал ему честь и отошел. На какую-то минуту великий князь растерялся, пока его внимание не привлекло деликатное покашливание Архипыча.

– Ваше высокоблагородие, – заявил старый матрос, о котором он успел позабыть, – пожалуйста в салон.

Построенный в Дании крейсер был не слишком сильно вооружен, и нельзя сказать, что очень уж быстроходен. Но вот об экипаже его строители побеспокоились. Даже у матросов были вполне сносные для столь небольшого корабля условия существования, а уж каюты офицеров были и вовсе выше всяких похвал. Не был исключением и роскошный командирский салон, ставший волею судьбы пристанищем великого князя. Когда Алеша зашел в него, Архипыч снял с головы бескозырку и, очень серьезно глядя ему в глаза, сказал:

– Алексей Михайлович, дозвольте слово молвить?

– Конечно...

– Ваше императорское высочество, – начал тот, – я уж более пятидесяти годов на службе и командиров всяких повидал. Вы уж не обессудьте на слова мои, а только коли уж вас командиром назначили, то не годится у других спрашивать, что делать. Потому как командир на корабле, он первый после бога. Его дело другим говорить, что делать, да спрашивать за то, как сделали. И ни в каком разе не можете сказать, что не знаете, чего делать! Потому как пока командир командует – значит, все хорошо, а как командовать перестал – считай, что все пропало. А что в службе иных и прочих обошли, так то порядок такой. Я и вашего дядю Константин Николаевича помню, он еще совсем сопливый был: стаксель с кливером путал, а уж генерал-адмирал! И брат ваш двоюродный, Алексей Александрович, в ваши годы уже орла на эполетах²⁸ имел, да и Александр Михайлович в первом ранге находились. Тут уж ничего не поделаешь – судьба у вас такая! А потому несите крест свой и не жалуйтесь. Никто не пожалеет!

Слова Архипыча произвели на великого князя совершенно ошеломляющее впечатление. От них веяло какой-то незнакомой ему до сих пор сермяжной правдой. В один миг сознание его перевернулось, и стало стыдно за проявленную минуту назад слабость. Одернув мундир, он решительно вышел из салона, сказав своему вестовому на прощание:

– Спасибо.

– На здоровье, Алешка, – хмыкнул вслед вышедшему офицеру старик, – кушай не обляпайся, а то распустил нюни!

Выйдя на палубу, он приказал первому попавшемуся матросу позвать к нему механиков.

– Господа, какие материалы необходимы для постройки кессона? – спросил командир, как только они, донельзя удивленные, явились.

– А что, есть распоряжение о его постройке? – вздумал было спросить старший инженер-механик Онищенко.

В ответ великий князь так посмотрел на него, что дед²⁹ невольно переменялся в лице и вытянулся во фрунт.

– Тес, парусина, полосовое железо, уголки, мочало и пакля для уплотнений, возможно, отруби, – четко отрапортовал младший механик Орлов, быстрее сообразивший, что вопрос не праздный.

– Отруби? – немного удивился великий князь.

– Так точно, – отрапортовал пришедший в себя старший механик. – Щели между кессоном и бортами заделывать.

– Извольте составить рапортичку.

– Есть! А как скоро?

– Вчера! Старшего офицера ко мне.

– Есть!

Новое приказание было выполнено мгновенно, и скоро Никитин предстал перед исправляющим обязанности командира крейсера.

– Построить экипаж по случаю моего представления!

– Есть!

Немедленно засвистели дудки боцманов, и вскоре команда была выстроена на верхней палубе. Заменяющий старшего офицера минер сделал доклад, и великий князь громко поздравился с экипажем.

– Здравия желаем вашему императорскому высочеству! – громко рявкнуло почти две с половиной сотни глоток.

Затем последовал опрос претензий и осмотр крейсера. Всякий раз, находя какую-либо неисправность, каких было немало на стоящем в ремонте корабле, Алексей Михайлович при-

²⁸ То есть был адмиралом.

²⁹ Дед – прозвище старшего механика.

стально смотрел на присутствующих при осмотре офицеров, но не говорил ни слова. Наконец окончив осмотр, он кивнул присутствующим и, не обращаясь ни к кому конкретно, заявил:

– Даже всего лишь исправляя должность, надобно ее исправлять!

– Есть, – приложил к козырьку руку Никитин, прекрасно понявший, в чей огород камешек.

– Рапортчика готова? – спросил Алеша у механиков, не обращая внимания на своего старшего офицера.

– Так точно-с, – передал тот сложенный вчетверо листок бумаги, – но осмелюсь доложить, что сделать кессон не такая простая инженерная задача. Нужны расчеты и хотя бы эскиз...

– Прекрасно, значит, вам есть чем заняться. Я отправляюсь в порт за материалами. Категорически настаиваю, чтобы к моему возвращению был готов хотя бы черновой проект.

Когда великий князь покинул крейсер, офицеры переглянулись.

– А ловко он нас разделал! – почти восхищенно заявил присутствовавший на обмывании эполет мичман Денисов. – Право, я и не думал, что наш Алеша может эдак фитили³⁰ раздавать!

– Фитили раздавать много ума не надо, – философски ответил ему ревизор мичман Рихтер, – хотя, конечно, умение необходимое. Но вот что его высочество быстро получит необходимые для постройки материалы, простите великодушно, весьма сомневаюсь! В ведомстве Гreve такие зубры... их браунингом не запугаешь.

– Господа, – вспомнил о долге старшего офицера Никитин, – я прошу вас не обсуждать приказы исполняющего обязанности командира.

Однако Алексей Михайлович и не подумал идти к Гreve. Нравы, царившие в портовом ведомстве, ему были хорошо известны, и начинать переписку с чиновниками он не имел ни малейшей охоты. Вместо этого он двинулся в Старый город к дому известного на весь Порт-Артур купца Тифонтая. Прежде ему не доводилось с ним встречаться, однако кое-что о его личности он знал. Крупнейший на Квантуне, а возможно, и во всей Южной Маньчжурии подрядчик был личностью известной. Не было ни одного сколько-нибудь крупного предприятия в Артуре и его окрестностях, в котором у него не было бы доли. Злые языки говорили также, что он связан с «безобразовской шайкой» и участвует в злополучной концессии на реке Ялу. Правда это или нет, сказать трудно, но вот то, что все окрестные опиекурильни и веселые дома через подставных лиц принадлежат ему, было абсолютно точно.

Узнав о приходе великого князя, Тифонтай кинулся встречать его лично. Одетый по-европейски и не имеющий по китайскому обыкновению косы, купец довольно хорошо говорил по-русски.

– Ваш приход большая честь для моего скромного дома, – почтительно склонился он перед высоким гостем. – Какая счастливая звезда привела вас в мою скромную обитель?

– Нужда, господин Тифонтай, – вежливо улыбнулся ему Алеша.

– Нужда у такого большого человека?

– Мне нужны кое-какие материалы.

– Неужели в нашем порту все так плохо? Впрочем, скажите, что именно вам нужно?

Прочитав рапортчика, поданную ему великим князем, купец задумался.

– Вы только что получили первый в своей жизни корабль и не хотите ждать... – как бы рассуждая вслух, проговорил он, – Что же, ваше императорское высочество, вы пришли по адресу.

– Видите ли, эти материалы нужны мне срочно.

– Понимаю, – наклонил голову Тифонтай.

– Что касается оплаты...

³⁰ Фитиль – устный выговор (*жарг.*).

– Ну что вы, ваше высочество! Я нисколько не сомневаюсь, что русская казна оплатит мне эту покупку, а ваше благоволение стоит для меня куда больше, чем все деньги мира. Что же, я немедленно отдам необходимые поручения и полагаю, что первую часть материалов вы получите уже сегодня к вечеру.

– Первую часть?

– Построить кессон не такое простое дело. За день вы точно не управитесь, а остальные материалы подойдут до конца недели.

– Что же, честь имею, господин Тифонтай, с вами приятно иметь дело.

– Похвала вашего императорского высочества – лучшая награда для бедного купца.

Выйдя от китайского негоцианта, Алеша почувствовал голод и решил завернуть к себе домой, благо тот был недалеко. Еще подъезжая, он услышал странные крики, несущиеся со двора. Как оказалось, звуки эти исходили от лакея, а причиной их был унтер, принесший Семену повестку.

– По какому праву, – голосил лакей, – я больной совсем! Я его высочеству жаловаться стану.

– Коли больной, так доктора отпустят, – увещевал его унтер, – а сейчас распишись, да я пойду, а то мне недосуг!

– Что здесь происходит? – недоуменно спросил Алеша.

Увидев офицера, унтер вытянулся и четко отрапортовал:

– Так что, ваше высокоблагородие, приказано освидетельствовать всех подлежащих призыву.

– Кем приказано?

– Так начальником Квантунского района генералом Стесселем.

– Ваше императорское высочество, освободите! – кинулся в ноги хозяину Семен. – Век буду бога молить!

– Виноват, – гаркнул изо всех сил унтер, сообразивший, кто перед ним.

– Встань, Семен, – велел лакею великий князь, – право, стыдно за тебя. Защищать царя и отечество есть святая обязанность каждого верноподданного.

– Так точно! – снова рявкнул, выпучив глаза, испуганный нижний чин.

– Да помолчи, – остановил его рвение Алеша, – оглохнуть же можно!

– Рад стараться... ой, то есть слушаюсь!

– Вот что, братец, ступай. Я тут сам разберусь, а начальству доложи: все, мол, сделал.

– Слушаюсь!

– Послушай, Семен, если хочешь, я возьму тебя на крейсер вольнонаемным?

– Это как же на крейсер, – пробормотал лакей, – это же... потонуть можно... не погубите! Ваше высочество, Алексей Михайлович, я же верой и правдой...

– Тьфу ты, – не выдержал воплей присутствующий тут же Прохор, – Семка, тебя же слушать противно!

– Тебе хорошо, Прошка, – огрызнулся тот, – ты придворный чин имеешь, тебе лоб не забреют!

– Замолчи, паразит! Не то я, хоть и не Архипыч, а в морду тебе дам!

– Тихо! – прервал перебранку Алеша. – Вот что, Прохор, ты распорядись насчет обеда, а ты, Семен, успокойся. Ну, хорошо, не хочешь на крейсер, я переговорю с начальством, чтобы тебя взяли нестроевым в госпиталь какой-нибудь. Но это все! Служить необходимо!

– Благодаритель, – продолжал рыдать лакей, – верой и правдой...

Несмотря на происшествие, аппетит у великого князя не испортился, и он с удовольствием отобедал. Прислуживавший ему Ванька вертелся и так и сяк и наконец, на прямой вопрос, чего он хочет, выпалил:

– Алексей Михайлович, а возьмите меня на крейсер...

– Час от часу не легче, – улыбнулся Алеша, – одного служить не заставишь, а другой сам просится.

– А я не такой трус, как Семка! – решительно заявил кофишенк.

– Отец-то что скажет?

– Ой, – стушевался мальчишка, – не говорите ему, а то он не отпустит, да еще и выпорет!

– Ну, извини, брат, – усмехнулся великий князь, – а без согласия Федора Михайловича никак. Кликни лучше Кейко с чаем.

Девушка, как обычно, приветливо улыбаясь, принесла на подносе ароматный напиток. Прodelав все положенные ритуалы с чайником, она подала с глубоким поклоном чашечку хозяину. Алеше ужасно хотелось взять ее за руку, но он никак не мог решиться. С детства приученный держать дистанцию со слугами, он не мог понять, как вести себя в этой ситуации. Кейко как ни в чем не бывало почтительно смотрела на хозяина, будто между ними никогда ничего не было. Смотреть на нее было сущей мукой, и великий князь, залпом выпив чай и не почувствовав вкуса, рывком поднялся.

– Спасибо, Кейко, – поблагодарил он служанку и вышел.

Вернувшись в порт, Алеша с удовлетворением застал на пристани рядом с «Боярином» несколько возов с тесом, которые, весело переругиваясь, разгружали матросы. Заметив его возвращение, руководивший ими младший механик подбежал с рапортом.

– Ну что, для начала хватит? Э, Владимир... – попытался припомнить его отчество командир.

– Николаевич, – отозвался Орлов, – для начала более чем.

– Сколько времени займет постройка?

– Наличными силами? Недели три, а потом еще может понадобится подгонка.

– Много!

– Согласен, но портовые рабочие все заняты на кессоне для «Цесаревича», вот где морока с его заваленными бортами, доложу я вам. Туда, кстати, и с других кораблей людей отправляют, особенно с «Полтавы», и все равно работы идут крайне медленно. А потом начнут делать для «Ретвизана»...

– С «Полтавы», говорите, – задумчиво сказал великий князь. – А если попросить помощи у Успенского?

– Блестящая мысль, ваше императорское высочество, у него лучшие мастерские на всей эскадре. Они и миноносникам помогали, неужто нам откажут?

– Хорошо, я немедленно поговорю с командиром «Полтавы».

* * *

Наместник в очередной раз отправился в Мукден, и адмирал Старк на время снова стал самым старшим флотским начальником. Впрочем, ожидая приезда Макарова, он ни во что не вмешивался, разве иногда принимая командиров кораблей, одолевающих его просьбами. Единственным ни разу ни о чем не попросившим был неугомонный великий князь. Оскар Викторович с самого начала был против, чтобы того сделали исправляющим обязанности командира крейсера, но наместник, руководствовавшийся какими-то своими видами, как всегда, его не слушал. И вот теперь Старк был вынужден выслушивать известия о ненавистном ему человеке, да еще и от Гreve. Николай Романович, вольготно расположившись в кресле, без малейшей приязни смотрел на начальника, время правления которого истекало.

– Значит, как я и предсказывал, великий князь строит кессон? – скрипучим голосом проговорил Старк.

– Совершенно верно, – коротко и даже как-то лениво отвечал ему начальник порта, – в док-то его не пустили.

– И вы не выделили ему на это ни одного гвоздя?
– Как и договаривались.
– Где же он нашел потребные материалы?
– У Тифонтия.
– Не много ли на себя берет этот китаец?
– Полноте, у нас нет никаких рычагов давления на него. А если бы и были, то он выполняет просьбу великого князя. Тут как бы самим под удар не попасть!
– Где же Алексей Михайлович взял средства?
– Вы полагаете, что имея годовое содержание в двести тысяч, это так сложно? – саркастически воскликнул Гreve.
– Он сам оплатил? – поднял брови Старк.
– Ну... еще нет.
– Я, ваше превосходительство, настаиваю, чтобы казна не оплачивала этой покупки!
– Боюсь, что буду вынужден вам отказать.
– Что это значит?
– Это значит, что вы, Оскар Викторович, отправитесь в отставку с мундиром и пенсией, а мне еще служить! И я вовсе не желаю, чтобы кто-нибудь из братьев нашего, как его все называют, Алеши или, паче того, его батюшка узнали, будто я вставляю ему палки в колеса. Да-с!

Старк хотел было вспылить, но в последний момент передумал и только спросил бесцветным голосом:

– Но хоть материалы и мастеровых ему не дадите?
– А вот тут вы можете на меня рассчитывать, ваше превосходительство. И того и другого у меня нехватка!
– Благодарю вас, – наклонил голову адмирал.

«Что мне твоя благодарность, старый маразматик, – подумал, презрительно усмехнувшись, Гreve, – тем более что с мастеровыми ему вся эскадра помогает! Хотя где он возьмет материалы, мне и самому интересно...»

Неделя пролетела в трудах как один день. Все на эскадре заметили, с какой энергией и изобретательностью великий князь ведет ремонт крейсера, и неприкрытый скепсис понемногу стал сменяться уважением. Командиры многих кораблей распорядились прислать ему на помощь своих умельцев, и подготовительные работы были выполнены в самые сжатые сроки. К огромному сожалению занимавшихся проектом механиков, злополучная пробоина была не в борту, а в днище крейсера. Так что кессон нельзя было сделать открытым сверху, что до крайности облегчило бы ремонт. Напротив, пришлось изготовить закрытый со всех сторон, кроме одной, ящик с неровными краями, повторяющими обводы корабля. Стенки неуклюжего сооружения были подкреплены полосами железа и уголками, и с двух сторон обшиты парусиной, не пропускающей воду. Для уплотнения по краю ящика крепилась наполненная мочалом и паклей парусиновая подушка, за ее длину сразу прозванная матросами колбасой. Дело оставалось за малым, прежде чем опускать кессон к пробоине, в него нужно было вложить железный лист с прорубленной в нем загодя горловиной. Узнав о подобной надобности, Гreve лишь развел руками. Формально он был прав, требование на материалы должно было быть подписано портовыми инженерами. Однако те, то ли обидевшись на то, что их не допустили к ремонту, то ли еще почему, заявили, будто кессон не хорош и тратить на него казенные материалы – недопустимо.

Если бы начальник порта узнал, что будет дальше, он, вне всякого сомнения, не только выделил бы необходимые материалы, но заставил бы своих инженеров тащить их на руках, лично при этом подгоняя. Узнав, что листовое железо, равно как и прочие материалы, в бли-

жайшее время не будут ему выделены, великий князь недолго думая вооружил полуроту своих матросов и отправился с ними по железной дороге в Дальний.

Как уже упоминалось, торговый порт в этом молодом городе был устроен весьма хорошо. В нем были многочисленные склады, хорошо оборудованные мастерские и даже доки. Последние были, к сожалению, слишком малы, чтобы вместить крейсер (однако вполне достаточны для миноносца «Боевой», также ремонтируемого кессоном), но Алеша повел своих матросов не к ним, а к складам. На них, по словам трюмного машиниста, служившего прежде на КВЖД, было в достатке всяческих материалов. Склады эти, разумеется, охранялись – бодрого вида стариками с берданками. Увидев властно распоряжавшегося вооруженными матросами офицера, большинство из них просто разбежалось. Следом бежали кладовщики с ключами, но великий князь, решив, что семь бед – один ответ, велел сбивать замки. Найденное имущество могло поразить самое смелое воображение: металлический прокат всех видов и фасонов, какой только можно было себе представить; разнообразные провода, включая толстый кабель в медной оболочке, бывший в порту, как знал Алеша, ужасным дефицитом; просто невообразимое количество такелажа и шкиперского имущества; отдельно лежали различные упакованные механизмы, назначение которых не всегда можно было определить на глаз.

Нельзя, впрочем, сказать, что самоуправство непонятных моряков осталось не замеченным. Очень скоро из конторы прибежал размахивающий руками чиновник, попытавшийся прекратить разбой.

– Что вы себе позволяете? – кричал он на матросов. – Всех под суд отдам!

– Вот это вряд ли, – усмехнулся капитан второго ранга и приказал своим людям: – Начать погрузку!

– Как вы смеете, ваше высокоблагородие, – почти взмолился чиновник, – мы же по другому ведомству...

– Будете писать о сем инциденте Сергею Юльевичу, кланяйтесь.

– Я жандармов вызвал! – попробовал пригрозить тот.

– Вот и славно, помогут грузить, – отрезал Алеша, – а вы, милейший, тоже без дела бы не стояли! Возьмите листок и карандаш, да записывайте, что взято, а то знаю я вашего брата.

Впрочем, как оказалось, жандармов действительно вызвали. Примерно через полчаса после начала погрузки на складах появился князь Микеладзе в сопровождении трех унтеров.

– Господин ротмистр, спасите! – заголосил было чиновник, но тут же осекся, потому что прибывший жандарм приветливо поздоровался с грозным капитаном второго ранга.

– Мое почтение, Алексей Михайлович! Это вы тут хулиганите?

– Увы, Александр Платонович, к сожалению, портовое начальство не оставило мне никакого другого выхода.

– Безобразие! – весело воскликнул бородатый князь, причем так, что было непонятно, что именно он считает безобразием.

– Господин жандарм, разве вы... – почти простонал служащий КВЖД.

В ответ Микеладзе подошел к нему и, приобняв за плечо, с укоризной проговорил:

– Послушай, дорогой, – в голосе князя стал особенно заметен кавказский выговор, – ты разве не знаешь, что великим князьям нельзя перечить? Ты что, нерусский?

– Так это... – потрясенно прошептал чиновник, – его императорское...

– А может, ты, генацвале, шпион? – продолжал тем временем нагнетать ротмистр.

– Насчет шпионажа ничего не могу сказать, – счел своим долгом вмешаться Алеша, – а вот военное имущество на этих складах хранится.

– Какое еще военное имущество? – насторожился Микеладзе.

– А вот, полюбуйте, – показал ему великий князь на ящики.

– Что тут? – Жандарм, щурясь от недостатка света, попытался прочесть надпись на бирке. – Китайские пожарные машины?

– Да, меня эта надпись тоже заинтересовала, и я взял на себя смелость вскрыть одну из упаковок. – Сказав это, великий князь приподнял крышку с крайнего ящика, внутри которого тускло блеснул смазкой разобранный пулемет.

– Однако, впрочем, может, это из имущества отдельного корпуса погранстражи?³¹

– Не думаю, у нас принята немного другая модель. Скорее всего, это трофеи из Таку³², неведомо как попавшие на местные склады. Кстати, а там дальше под кучей всякого хлама пушка Армстронга.

– Как интересно, а не попадалась ли вам, ваше императорское высочество, совершенно случайно, разумеется, типографская машина?

– Какая еще типографская машина? – затравленно пискнул чиновник.

– Ну, вроде тех, на которых всякие злонамеренные личности прокламации противу существующей власти печатают, – любезно пояснил ротмистр и потом добавил, хищно сверкнув глазами: – Я бы взял не торгуясь!

Дерзкий налет великого князя на склады КВЖД и обнаруженное там военное имущество вызвали немалый скандал и грандиозную переписку между наместником и Петербургом. Всего там было обнаружено более десятка различных артиллерийских орудий, немалое количество взрывчатки и полудюжина пулеметов под немецкий патрон³³. В ходе скоротечного расследования выяснить ничего не удалось. Скорее всего, груз доставили на склады КВЖД по ошибке, потом сложили в самый дальний угол, да так и позабыли. Пока его там не обнаружил неугомонный Алексей Михайлович, которому не было никакого дела до ненароком поднятой им бури.

Получив необходимые материалы и потратив еще два дня на прорубание горловины и изготовление пробки, можно было приступить к установке кессона. Опустить в воду огромный деревянный ящик было не самой простой задачей, но тут Алешу снова выручил Балк. Едва все было готово, он притащил «Силачом» плавкран, и тот, без труда подняв неуклюжее сооружение, осторожно опустил его рядом с «Боярином». Матросы, толпящиеся на палубе, натянули лебедками тросы и стали подводить кессон к борту. Вскоре ящик оказался на месте, но чтобы удостовериться, в воду спустили водолаза. Вызвавшийся добровольцем на это непростое задание минный квартирмейстер Лоханкин должен был убедиться, что ящик стал именно там, где это необходимо, и плотно прилегает к бортам. Весь экипаж от великого князя до последнего трюмного с напряжением следил за мутной водой, пытаясь определить, что происходит на глубине. Наконец водолаз подал условленный сигнал, и лебедка потащила его наверх.

– Готово, – тяжело выдохнул тот, едва открутили гайки на его шлеме.

– С богом! – махнул рукой Алеша, и по его команде машинисты пустили пар к помпам. Насосы с гулом начали откачивать воду из крейсера, шумным водопадом выбрасывая ее наружу. Все с надеждой смотрели на этот поток воды, но он все не ослабевал.

– Максимальная мощность, – тихонько проронил подошедший к командиру механик.

– Полагаете, неплотно стоит? – выразил всеобщую мысль великий князь.

– Никаких сомнений, надобно останавливать помпы.

– Не останавливайте, вашескобродие, – вдруг с горячностью обратился к ним Лоханкин, – если остановить, будет не видно, куда тянет! Так можно неделю конопатить. Дозвольте спуститься сейчас, да и заделать!

– Ты что, с ума сошел? – воскликнул Орлов. – Если тебя, дурака, напором затянет, так ведь переломает всего!

³¹ Отдельный корпус погранстражи в то время организационно подчинялся министерству финансов.

³² Таку – китайская крепость, захваченная европейцами во время подавления восстания боксеров. После окончания военных действий оттуда в Порт-Артур было доставлено немало трофеев, в том числе пушек, пулеметов и даже автомобиль.

³³ На вооружении китайской армии помимо прочих систем состояла немецкая комиссионная винтовка 1888 года, выпускавшаяся хайнаньским арсеналом по лицензии.

– Нечто я без понятия, вашбродь, – не уступал минер, – куда не надо, дуриком не полезу! Пусть мне только мешки с отрубями подадут, а я сам все сделаю.

От голоса немолодого уже матроса веяло такой уверенностью в своих силах, такой убежденностью в правоте, что Алеша не смог ему отказать.

– Действуйте, только осторожнее!

– Есть! – с веселым ожесточением в голосе отозвался тот и прикрикнул на своих помощников: – Вертите гайки, что ли!

Лебедка снова опустила водолаза в мутную глубину восточного бассейна. Помпы продолжали работать на полную мощность, извергая из затопленных трюмов потоки грязной воды. Текли томительные минуты ожидания, казавшиеся часами. Наконец, когда все готовы были уже сдаться, из трюма прибежал зачуханный донельзя машинист и, устало вытерев чумазое от масла лицо, выпалил:

– Так что уходит вода!

– Как уходит? – переполошился командир и, кинувшись к амбушюру переговорного устройства, закричал: – Машинное, что там у вас?

– Уходит проклятая, – донесся из глубины искаженный голос Онищенко, – точно уходит!

– Почему не докладывали?

– Сглазить боялся...

– Господи, твоя воля, – обессиленно опустил великий князь, – да по дереву постучи! Лучше всего по голове...

Когда снова заработала лебедка, доставая из пучины водолаза, на палубе уже ощутимо выправившегося крейсера уже ликовали.

– Ура, наша взяла! – кричали обрадованные моряки. Некоторое принялись бросать бескозырки вверх, другие бросились обнимать тяжело дышащего Лоханкина, и, наконец, не зная, куда выплеснуть свою радость, один из них крикнул:

– Качать Алешку!

Едва прозвучал этот призыв, матросы кинулись к великому князю и, подхватив того на руки, стали подкидывать вверх. Но и этого было мало, тот же веселый и отчаянный голос крикнул:

– И старшего!

Попытавшийся улизнуть Никитин тут же был схвачен ликующими моряками и принялся летать рядом с командиром.

Наконец их отпустили, и красные и запыхавшиеся офицеры оказались рядом. Хотя после размолвки они и не вернулись к прежним отношениям, но старались вести себя корректно.

– Фух, – шумно выдохнул Алеша, – право, не ожидал подобного!

– Ничего страшного, – усмехнулся в ответ лейтенант, – это вы еще экватор не проходили, тогда бы непременно в море искупались.

– Лоханкина надо бы наградить, – вопросительно посмотрел на него великий князь, – все-таки рисковал человек.

– Непременно надо, – отозвался Никитин и неожиданно добавил: – А ведь у него жена и маленький ребенок!

– Что же вы прежде не сказали?

– Не знаю, – хмуро ответил минер, – а вы бы его тогда не послали?

– Наверное, вы правы, просто как-то...

– Господа, а что здесь происходит?

Вопрос, заданный в обстановке всеобщей радости, прозвучал настолько нелепо, что все с удивлением обернулись к спрашивающему. У трапа стоял незнакомый лейтенант с большим саквояжем в руках и с немалым любопытством разглядывал присутствующих.

– Здесь происходит удачное подведение кессона, – устало ответил великий князь, – а вы, собственно, кто?

– Лейтенант Семенов, представляюсь по поводу вступления в должность старшего офицера, – четко отрапортовал прибывший и отдал честь.

– Исполняющий должность командира крейсера, капитан второго ранга Романов, – козырнул в ответ Алеша.

– Лейтенант Никитин. Насколько я понимаю, теперь не исполняющий должность старшего офицера, – не удержался от ерничества минер.

* * *

Война шла уже несколько недель, и жизнь в Порт-Артуре после первых потрясений потихоньку вошла в свою колею. Даже вывоз нечистот, бывший прежде делом покинувших город китайских купцов, налачился. Занятия в пушкинской школе продолжались, несмотря на то что количество учеников сократилось. Когда уроки закончились и дети с шумом кинулись по домам, начала собираться и Людмила Сергеевна. После памятного приключения, когда ее совершеннейшим чудом спас таинственный великий князь, она несколько опасалась ходить по вечерам одна.

– Мила, ты уже домой? – обратилась к ней ее подруга, преподававшая в их школе словесность.

– Да, Машенька, мне уже пора.

– Ты совсем переменилась в последнее время, что-то случилось?

– Ну что ты, – поспешила та ее успокоить, – все очень хорошо. Просто дел много дома.

– Нет, ты говоришь неправду, – строго и немного печально заявила ее собеседница, – тебя будто подменили после того вечера. Ты стала нас избегать, иначе одеваться. Может, у тебя появился ухажер?

Услышав это, Людмила Сергеевна замялась. Ей было неудобно рассказывать, чем закончился тот злополучный вечер, но после него она действительно не бывала у своих подруг.

– Ну, если только ненадолго, – нерешительно сказала она.

– Ну конечно ненадолго! – сразу обрадовалась ее собеседница. – Давай скорее пойдем, у нас сегодня собираются все наши. Они давно спрашивались о тебе, особенно сама знаешь кто.

О подругах Людмилы Сергеевны стоит рассказать особо. Как и наша героиня, они закончили Бестужевские курсы и зарабатывали себе на жизнь тем, что учительствовали. Первой была уже знакомая нам Мария, фамилия которой была Лещинская. Невысокая брюнетка с довольно симпатичным лицом, которое немного портили очки, придававшие своей обладательнице вид строгий и неприступный. Несмотря на польскую фамилию, родом она была из Иркутска, впрочем, в тех местах подобное не редкость. Вторую звали Ольга Литвяк, и числилась она учительницей географии. Родом она была из Москвы, откуда ее, впрочем, выслали за неблагонадежность. Довольно рослая и при этом болезненно худощавая барышня, еще учась, обратила на себя внимание полиции своей неумейной жадой к искоренению несправедливости. К сожалению, в окружающей нас жизни много всего такого, что можно назвать несправедливостью, так что жажда эта со временем не только не прошла, но даже усилилась, что не раз вовлекало молодую учительницу в неприятности.

Поскольку жалование учителей земских школ совершенно не велико, жили девушки вместе, снимая квартиру в Старом городе. Две одинокие барышни в таком переполненном мужчинами месте, как Порт-Артур, не могли не вызвать к себе определенного интереса. К тому же среди представителей сильного пола было немало количество людей, абсолютно уверенных, что среди выпускниц бестужевских курсов царит необыкновенная легкость нравов. Подобные слухи, разумеется, только подогревали мужской интерес, и многие пытались завести с

девушками знакомство. Однако жаждавших свободной любви господ неизменно ждало жестокое разочарование. Какая любовь? Общественный прогресс, борьба с несправедливым устройством мира, народным невежеством и изжившими себя обычаями – вот что занимало умы учительниц, положивших свою молодость и красоту на алтарь народного просвещения! Со временем вокруг них сформировался кружок людей, не чуждых прогрессу и любящих об этом прогрессе поговорить. Надо сказать, что прежде Людмила Сергеевна была активной участницей этих собраний, но в последнее время немного отошла от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.